

С.Н. Серебров

ЙЕМЕН: ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ И ЗАМЕТКИ К ТЕКУЩЕМУ КРИЗИСУ

В статье Сереброва предпринята серьезная попытка применения комплексного востоковедческого метода, основанного на глубоком знании этнокультурной и исторической специфики Йемена, к анализу современных политических процессов в этой стране. Дан культурологический анализ содержания и некоторых итогов религиозной реформы в Йемене, ставшей серьезным конфликтогенным фактором для йеменского социума и вызвавшей ответную реакцию со стороны сторонников защиты йеменской идентичности. Большое внимание уделено критическому разбору мотивов военной интервенции под предводительством КСА в Йемен и ее влиянию на социокультурную и политическую динамику. На примере Хадрамаута показан механизм трансформации агрессивного прозелитизма в инструмент политической борьбы, направленной на геополитические изменения в русле концепции неоглобализма.

Ключевые слова: Йемен, Саудовская Аравия, салафиты, хуситы, ваххабизм.

Sergei N. Serebrov

YEMEN: EXPERT COMMENTARIES AND NOTES ON THE CURRENT CRISIS

The article presents an experience of employing the methodology of the Middle Eastern Studies and the author's knowledge of the cultural and historical specifics of Yemen for analyzing political processes observed currently in the country. It explores the essence and certain consequences of the religious reform undertaken in Yemen. The reform has catalyzed a conflict and caused an active reaction of the supporters of the Yemini identity. Particular attention is paid to the detailed examination of the motives for the Saudi-led intervention in Yemen and to its influence on the sociocultural and political dynamics. Using the example of Hadramawt, the author demonstrates how the aggressive proselytism can be transformed into an instrument of political struggle aimed at geopolitical changes in the neoglobalist trend.

Key words: Yemen, Saudi Arabia, salafism, Houthis, wahhabism.

Социокультурные факторы и геополитика

25 марта 2015 г. коалиция из девяти арабских стран во главе с Саудовской Аравией (КСА) при логистической поддержке США начала военную операцию «Буря решимости» в Йемене. В коалицию вошли пять членов ССАГПЗ (без Омана) — КСА, Кувейт, ОАЭ, Бахрейн и Катар, а также Египет, Судан, Иордания и Марокко. Пакистан, первоначально объявивший об участии в коалиции, отпал из-за вето своего парламента. К США присоединилась и Великобритания — крупнейший поставщик вооружений КСА.

Поводом для военного вмешательства стала просьба переходного президента Йемена к странам Залива о защите законной власти от переворота, совершенного хуситским движением Ансаруллах.

Формальными целями кампании являются:

— поддержка законного президента Абдураббо Мансура Хади в конфликте с силами альянса Салеха и зейдитского движения Ансаруллах (салехо-хуситского альянса — СХА);

— освобождение всех занятых СХА территорий с возвращением президента Хади и правительства Халида Махфуза Бахаха в Сану;

— возобновление мирного переходного политического процесса, начавшегося в ноябре 2011 г. под эгидой ООН на основании международного плана урегулирования йеменского кризиса (т.н. Инициативы ССАГПЗ — Совета Сотрудничества Арабских Государств Персидского Залива) и Механизма его реализации.

Политическим фоном военного вмешательства послужили внутривнутриполитические сдвиги в Йемене в 2014–2015 гг., получившие разные оценки со стороны ведущих иностранных акторов, принимавших участие в йеменском урегулировании. Власти КСА отнеслись к ним как к поводу для торпедирования управляемого мирного процесса, а ведущий куратор Инициативы специальный представитель ООН в Йемене Джамаль Беномар имел поручение от СБ ООН составлять регулярные доклады о продвижении плана и ситуации в этой стране.

В основе отмеченных расхождений в оценках йеменской ситуации между КСА и ООН лежала разная система приоритетов, которой пользовались эти первостепенные акторы йеменского переходного процесса. КСА руководствовалась интересами за-

крепления собственного доминирования в Йемене через своего давнего политического агента влияния — исламского объединения Ислах, внезапно получившего ощутимый удар от конкурентов на финальном этапе реализации Инициативы. Секретариат ООН рассматривал процесс урегулирования в Йемене прежде всего как преодоление внутреннего раскола и стремился достичь его преимущественно силами самих йеменцев, предоставив им относительную свободу в определении роли каждого участника вплоть до заключительного мероприятия дорожной карты плана — всеобщих выборов новых органов власти.

Принятое КСА решение об интервенции носит не правовой, а чисто политический характер и является демонстрацией притязаний нового руководства страны на роль ведущей «локальной сверхдержавы» в структуре политики неоглобализма во главе с США, без чего подобное вмешательство было бы невозможно. Привлечение в коалицию большого числа других исламских государств дало Эр-Рияду возможность продемонстрировать, с одной стороны, свои притязания на ведущие роли в суннитском мире, а с другой — снизить риски от военного вмешательства во внутренний кризис страны, которая имеет устойчивую репутацию «крепкого орешка» и заслуженную славу колыбели арабской цивилизации.

Переход к военному сценарию развернул йеменский кризис в сторону гражданской войны и тем самым создал беспрецедентные экзистенциальные проблемы для будущего йеменского государства и его самобытной древнейшей культуры — признанной колыбели арабизма. Кризис также угрожает нанести серьезный долгосрочный ущерб системе безопасности этого нефтеносного региона в связи с прогнозируемым усилением влияния там террористических структур АКАП и ИГИЛ (ДАИШ). Ведущим мотивом саудовской интервенции послужило внезапное поражение дружественного КСА исламского объединения Ислах в противоборстве с новым политическим альянсом, в котором роль главного триггера саудовского вмешательства играет хуситское движение Ансаруллах. Блокирование хуситов с бывшим президентом Йемена Али Абдаллаха Салеха, правившего 33 года, произошло в 2014 г. на фоне их давней раздельной конфронтации с радикальным салафитским крылом Ислаха, усиленным ведущим кланом племенного крыла йеменской политики — шейхами аль-Ахмар.

Образование альянса позволило за короткий промежуток (с сентября по декабрь 2014 г.) нанести поражение вооруженным структурам Ислаха, чье ядро составляли группировки джихадистского типа, и потеснить их почти во всех провинциях северной части Йемена (бывшей территории ЙАР — Севера).

Анализ причин становления альянса и исследование характера конфликта его участников с Ислахом (второй по влиянию политической силы в Йемене) составляет главную задачу статьи.

* * *

По версии КСА, победа хуситов является следствием агрессивной политики Ирана, занимающегося экспортом своего влияния по всему ближневосточному региону через локальные шиитские общины, которые в Йемене представлены, главным образом, зейдитами. Хуситы якобы нацелены на установление в Йемене проиранского режима, враждебного КСА и Западу. Вписывание сложного по своей природе внутреннего конфликта в Йемене в большой шиито-суннитский конфликт позволило властям КСА позиционировать свое военное вмешательство как защиту суннизма от шиитского врага.

Все эти аргументы трудно поддаются верификации, поскольку зейдизм в Йемене появился в IX в. и всегда занимал промежуточное положение между двумя ведущими ветвями ислама — шиизмом и суннизмом. С точки зрения догматики, зейдизм имеет мало общего с доминантной шиитской школой Ирана — джафаризмом, что не позволяет ставить их на одну доску и искать корни солидарности между ними в вероучении. Нелегко найти также и какие-то твердые факты, указывающие на наличие особых отношений между Ираном и хуситскими лидерами в политической или практической сферах, которые можно было бы трансформировать в орудие борьбы хуситов со своими политическими противниками внутри Йемена. Все обвинения в поставках оружия Ираном хуситам и участии стражей революции в йеменском конфликте также, по-видимому, основаны на фальсификациях и вымыслах. Такие же аргументы широко использовались властями Йемена в ходе са`адских войн 2004–2010 гг., но были сняты самим президентом Йемена как изначально не имевшие под собой никакой почвы. Хусизм — это новое автохтонное йеменское политическое течение, рожденное в зейдитской среде, но бази-

рующееся преимущественно на националистических и патриотических мотивах с довольно тривиальным выходом на общие проблемы Ближнего Востока, характерным для всех арабских националистических идеологий.

Зейдитский имамат просуществовал в Йемене с 897 г. по 1962 г., но хуситы не являются сторонниками имамизма и не добиваются свержения республиканского строя. Все свои требования они подчеркнуто строго выдерживают в конституционном поле существующего в стране республиканского режима. В январе 2014 г. представители Ансаруллах подписали итоговые документы Всеобщего Национального Диалога (ВНД), которые должны были составить фундамент новой конституции страны. Текст итоговых документов формировался под сильным влиянием демократических лозунгов йеменской революции, которые вошли в политический обиход всех партий и движений страны. Известно, что хуситы настойчиво добивались в рабочих группах этого форума внесения в текст конституции таких положений, как законодательное закрепление суверенитета Йемена; исключение права на обращение властей к иностранным государствам за военной помощью для решения внутренних проблем; закрепление свободы и равноправия для всех признанных школ ислама в государстве; установление гражданского режима правления; создание деполитизированной армии без права ее использования против оппозиции на почве политического соперничества.

Единственным ярким отличием в позиции хуситов от общедемократических подходов к проблемам страны на этом форуме было выделение проблемы компенсации экономического ущерба, нанесенного населению зейдитских провинций в ходе саудских войн 2004–2010 гг., которые были признаны проявлением диктата режима Салеха и осуждены всеми участниками ВНД.

Проект новой конституции Йемена должен был стать воплощением самых демократичных стандартов с точки зрения институциональных основ политической системы, какие можно встретить в арабских странах. Консультантами ВНД выступали ведущие специалисты из 12 стран с большим опытом работы в этой области. Думаю, что главным препятствием для утверждения текста новой конституции в 2015 г. стала саудовская интервенция. Возможно, такое совпадение не случайно, поскольку критика Запада самых жестких консервативных порядков в КСА

на фоне других арабских стран давно доставляла ее властям немало раздражения и хлопот.

Агрессивная реакция Эр-Рияда на внезапное оттеснение исламского объединения Ислах с позиций главного претендента на власть в Йемене может служить индикатором возвращения КСА к традиционному приоритету во внешней политике королевства — экспорту ваххабизма, часто именуемого в научных публикациях также фундаментализмом и салафизмом. Поражение в противостоянии с хуситами и блоком бывшего президента Салеха потерпел фланг Ислаха, группировавшийся вокруг его радикального салафитского крыла Братьев Мусульман, которое в марте 2014 г. власти КСА даже внесли в черный список террористических организаций (но ненадолго).

Его лидером является шейх Абдельмаджид аль-Зиндани, которому власти КСА и Катара помогли в 1995 г. отстроить грандиозный учебный центр в Сане — Джамии`ат `Иман (университет и соборная мечеть «Иман»), а власти США в 2004 г. внесли в список «особо подозреваемых глобальных террористов» за его многолетнее сотрудничество с главарем Аль-Каиды У. бен Ладеном. С этим крылом оказалась тесно связанной и политическая карьера шейха Хамида аль-Ахмара, начавшего заниматься политикой на рубеже 2000-х годов и метившего на роль ведущего лидера партии Ислах, которую тогда играл его отец — шейх Абдаллах аль-Ахмар. К нему в марте 2011 г. на фоне массовой мирной революции, охватившей всю страну, примкнул и генерал Али Мохсин аль-Ахмар из племени санхан. Он является однофамильцем вождийского клана конфедерации племен хашед — шейхов аль-Ахмар, в которое входит его племя, и родственником президента Салеха. Он возглавил де-факто отсутствовавшее ранее военное крыло Ислаха.

Умеренное крыло Ислаха, по нашим наблюдениям, не участвовало в вооруженном конфликте с хуситами, имело серьезные политические разногласия с лидерами радикального фланга партии и конструктивно сотрудничало с миротворческой миссией специального представителя ООН в Йемене Беномара вплоть до начала саудовской интервенции, прервавшей его миссию.

Центральная роль в конфликте между салафитским крылом Ислаха и хуситами действительно перешла к религиозной ненависти, ведущему драйверу са`адских войн против хуситов. Но была ли эта ненависть проявлением суннито-шиитских про-

тиворечий или в ее основе лежал в первую очередь конфликт между йеменским национальным характером и насаждаемой извне чуждой ментальностью прозелитской религиозной идеологии, нацеленной на его стирание? Ответ на этот вопрос имеет принципиальное значение для понимания природы данного конфликта.

Зародыш Ислаха появился в ЙАР в 1970 г., когда начиналась негласная религиозная реформа в ЙАР. Среди главных целей реформы было устранение элемента недоверия между республиканским режимом и зейдитскими племенами, воевавшими на стороне роялистов с 1962 по 1970 гг. Власти опасались рецидива гражданской войны после заключения национального примирения, решившего судьбу революции в пользу республики. Идея реформы состояла в дальнейшем сближении двух доминантных религиозных общин страны, представленных суннитами-шафитами (около 60 % населения) и шиитами-зейдитами (около 40 %) на суннитской платформе. В качестве концептуальной основы реформы планировали избрать учение йеменского религиозного мыслителя и государственного деятеля XIX в. М. аль-Шаукани [Наукел 2003], которого американский востоковед Б. Хайкель причисляет к ряду салафитских исламских ученых. Известно, что шейх М. аль-Шаукани был знаком с трудами своего старшего современника и основоположника ваххабизма — шейха Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба и расходился с ним по многим вопросам, но особенно в части проявлений религиозной нетерпимости по отношению к признанным школам ислама. Он был начисто лишен таких фобий.

Реформа в Йемене началась при финансовой, политической и идейно-методологической поддержке КСА и базировалась на ваххабизме в экспортном, особо воинствующем варианте. До объединения ЙАР и НДРЙ в 1990 г. ваххабитское крыло БМ достигло колоссального продвижения как в общественных, так и в государственных сферах политики. Высокое покровительство реформе шейха Абдаллаха аль-Ахмара, верховного вождя племенной конфедерации хашед, позволило ему иметь свое печатное издание (газету «аль-Сахва») и вести публичную работу в условиях тотального запрета на политическую деятельность вне государственной партии, Всеобщего Национального Конгресса (ВНК) во главе с президентом Салехом — ее основателем.

После объединения ЙАР и НДРЙ в 1990 г. и перехода на многопартийную систему это крыло БМ, вместе с шейхом Абдаллахаом аль-Ахмаром, выступило соучредителем исламского объединения Ислах, партии, прочно занявшей второе место на йеменской политической сцене после разгрома южнотиморской ЙСП в гражданской войне 1994 г. Лидерам радикального крыла Ислаха принадлежала ведущая роль в разжигании гражданской войны, целью которой был разгром ЙСП — главного политического и идейного соперника, оттеснившего его со второго на третье место в системе властных отношений. Разгром ЙСП был главным средством возвращения БМ утраченных позиций в государстве и единственным способом обеспечить себе беспрепятственный путь к вершине власти.

Президент Салех сразу отреагировал на возросшие после войны притязания Ислаха сохранением на сцене всего левого фланга йеменской политики, включая ЙСП, но властные амбиции Ислаха двигали его к намеченной цели. Левый фланг Йемена пребывал в подавленном состоянии. Революция 2011 г. в Йемене, не имевшая ничего общего с программными установками Ислаха, предоставила Ислаху великолепный шанс окончательно утвердить свое лидерство.

Сила и роль Ислаха в обществе определялась колоссальным авторитетом шейха Абдаллаха аль-Ахмара, который опекал религиозную реформу и обеспечивал ей государственную поддержку. Участие в ней позволяло ему контролировать колоссальные финансовые потоки из КСА, направляемые на содержание гигантской сети исламских колледжей в Йемене для пропаганды фундаментализма. Шейх Абадаллах занимал высшие посты в законодательной власти страны и выступал признанным политическим лидером всего племенного сегмента йеменской политики, де-факто игравшего доминантные роли в системе государства. Кроме титула верховного вождя конфедерации племен хашед, считавшейся самой сильной в стране, ему было присвоено также почетное звание «вождя всех вождей» (шейх машаих) племен Йемена.

После кончины Шейха в 2007 г. огромное политическое наследство, включавшее руководящие роли в племенных структурах и в партии Ислах (которой он руководил с момента основания в 1991 г.), досталось его сыновьям. Так, шейх Хамид аль-Ахмар,

богатейший йеменский олигарх, вошел в состав высшего руководства Ислаха, а его старший брат, шейх Садык аль-Ахмар, наследовал титул верховного вождя (шейх аль-шуйюх) племенной конфедерации хашед. Его попытки получить титул вождя всех вождей, правда, не увенчались успехом. Согласно древним обычаям йеменских племен — урфа, титулы вождей не наследуются, а присваиваются на племенных конференциях с участием старейшин родов и вождей нижнего уровня за личные качества кандидатов с учетом авторитета и заслуг рода каждого из них перед племенами. В современных условиях к этим критериям добавился также учет фактора административного ресурса в руках кандидатов, по которому шейхам аль-Ахмар не было равных.

Шейх Абдаллах аль-Ахмар курировал самую крупную сеть салафитских религиозных колледжей в стране «маахид ыльмийя», но, поощряя салафитскую религиозную реформу, действовал осторожно, стараясь ни при каких обстоятельствах не допустить сектантского раскола в традиционно зейдитских племенах, к которым относились все племена хашед и бакиль — две крупнейшие племенные конфедерации Джебеля. Смена поколений в рядах высших шейхов Йемена в тот период оказала драматическое влияние на состояние отношений внутри властных элит страны. Вхождение в политику сыновей Шейха на рубеже 2000-х годов сопровождалось нарастанием соперничества его клана с кланом президента Салеха, в котором большая роль отводилась салафитскому крылу Ислаха, традиционно прочно связанному с финансовыми и политическими элитами КСА. Шейх Хамид аль-Ахмар делал карьеру в Ислахе при опоре на БМ, рассчитывая в решающий момент получить поддержку Эр-Рияда. Его целью стало вытеснение клана Салеха из конкуренции как в бизнесе, так и в политике. Осторожность, характерная для его опытного отца, оказалась не свойственна выросшему в роскоши шейху Хамиду, и он бросил прямой вызов всему клану президента Салеха, включая его сына Ахмада, командующего Республиканской Гвардией, и племянников, занимавших командные посты во всех силовых структурах страны.

Межклановое соперничество в высшем эшелоне власти страны начало проявлять себя уже в ходе войны в Сааде, объявленной президентом Салехом в 2004 г. Это решение было неожиданно для йеменского общества, поскольку сейид Хусейн аль-Хуси,

лидер зейдитского кружка «шабаб мумин», был известным политиком, ранее избиравшимся в парламент, и не предпринимал никаких угрожающих для режима действий.

Объявление войны могло стать инструментом сглаживания противоречий с Ислахом, для которого деятельность кружка действительно представляла значительное неудобство. Помимо изучения истории имамата и религиозных трудов зейдитских ученых, на заседаниях кружка поднимались и современные политические темы, связанные с проблемами всего ближневосточного региона. Сейид Хусейн, в частности, критиковал правителей исламских государств за то, что они доверили главенство в борьбе с терроризмом США, неисламскому государству, помогающему Израилю. Он считал, что терроризм стал орудием раскола самого ислама в руках его врагов и борьба с ними должна входить в первейшую обязанность самих правителей ближневосточных государств.

Сугубо политические мотивы, побудившие президента Салеха в июне 2004 г. запретить деятельность кружка и начать масштабную карательную войсковую операцию против хуситов в Са`аде в расчете на быструю и эффективную победу в назидание своим быстро растущим по всей стране критикам, привели к гражданской войне и национальной катастрофе.

Вместе с правительственными войсками под командованием генерала Али Мохсина, получившего славу яркого адепта ваххабизма за широкое применение специфических приемов мобилизации военнослужащих на войну против хуситов, воевали боевики ваххабитского крыла БМ и племенные ополчения, нанятые на средства шейха Хамида аль-Ахмара. Духовные лидеры БМ не жалели красок, чтобы обвинить хуситов в ересях, не совместимых с исламом, что придало операции ощутимый джихадистский оттенок. Все это в комплексе произвело мощный мобилизующий эффект на хуситскую сторону конфликта. Идейный предводитель хуситского движения, сейид Абдельмалик аль-Хуси, младший брат убитого в 2004 г. основателя движения, построил свою пропаганду не на призывах к борьбе с правящим режимом, а на лозунгах защиты собственного йеменского культурного наследия от воинствующего пришлого ваххабизма, свившего себе гнездо в самом сердце Йемена. Широкая манифестация религиозной нетерпимости со стороны ваххабитских проповедников в рядах

правительственной коалиции, воевавшей против хуситов, оказалась сильнейшим стимулом привлечения зейдитских племен провинции Са`ады на сторону хуситов. Этот фактор убеждал их правдивости утверждений хуситских лидеров в том, что реальным объектом военной операции являются не ученики сейида Хусейна аль-Хуси, а зейдитская община провинции в целом.

Угроза полного уничтожения зейдизма, почвенного и оставившего колоссальный культурный пласт в йеменской истории наследия, со стороны ослепленных религиозной нетерпимостью адептов ваххабизма оказала решающее влияние на стойкость, проявленную бойцами сопротивления в са`адских войнах, где силы были столь же не равны, как и в войне саудовской коалиции против СХА. Подключение к этой войне против хуситов саудовских военных в 2009 г. только добавило сторонникам хуситов убежденности, что за всем этим стоит заговор, подготовленный в Эр-Рияде и реализованный его агентами влияния в Йемене. Накопленного по ходу войны хуситами оружия, конфискованного у йеменских и саудовских военных, было достаточно, чтобы продолжать сопротивление без дополнительных поставок из других источников.

Заключенное в феврале 2010 г. перемирие между правительством и хуситами оставило массу нерешенных проблем, включая судьбу оставшейся без крова трети населения Саады (около 200 тыс. чел.) и политический разлом между хуситами и Ислахом. Йеменская революция 2011 г. дала надежду справедливого решения этим проблемам и открыла широкие возможности для хуситов трансформировать одержанную ими несомненную моральную победу в политический ресурс. Сотни участников хуситского движения прибыли на революционные площади, чтобы вместе с сотнями тысяч горожан и посланцев прочих регионов выразить протест режиму Салеха и потребовать его отставки, причем исключительно мирными способами.

Разумеется, контакты молодежи разных частей страны на площадях и их совместная борьба с провокаторами и силами безопасности, унесшая жизни почти двух тысяч участников восстания, не прошли бесследно. Мнение о войне в Сааде, формировавшееся под влиянием пропаганды режима, претерпело коренные изменения и сделало хуситов подлинными национальными героями в рядах революционеров.

Молниеносное нарастание революционного восстания в Йемене в начале 2011 г. на короткое время сделало хуситов и радикальное крыло Ислаха союзниками в борьбе за отставку президента Салеха. Но после перехода генерала Али Мохсина на сторону Ислаха в марте 2011 г. конфликт в Са`аде стал разгораться вновь, поскольку главным претендентом на кресло главы государства после Салеха вполне мог оказаться этот генерал, имевший крепкую поддержку КСА. Его роль в са`адских войнах и особенно в самом кровавом, финальном, эпизоде, сделала этот сценарий неприемлемым для хуситов. Последний акт войны начался после официального публичного заявления президента Салеха в августе 2009 г. о решении прекратить военную операцию в Са`аде и перейти к полному урегулированию конфликта с хуситами со снятием с них всех обвинений в сотрудничестве с Ираном. Инициатором продолжения конфликта стал побывавший накануне в КСА генерал Али Мохсин, который и руководил операцией «Выжженная земля», закончившейся очередным провалом в феврале 2010 г.

Обеспокоенные перспективой прихода к власти генерала Али Мохсина, хуситы начали укреплять свой контроль в провинции Са`ада, потребовав прекращения экстремистской деятельности крупного салафитского учебного центра «Дар аль-хадис», расположенного в Даммадже, в пригородах административного центра Са`ады. Новый конфликт между проислахскими вооруженными группировками и хуситской милицией вокруг этого центра вспыхнул уже без участия правительственных сил и без официальной государственной поддержки.

Для войны с хуситами в Са`аде скопилось множество радикальных фундаменталистов из «джабхат аль-нусра», созданного по призыву лидеров ваххабитского крыла БМ, а также из структур АКАП, объявивших джихад хуситам. Племенной костяк антихуситских ополчений составили наемники шейха Хамида аль-Ахмара. Вооруженные столкновения перешли в открытый конфликт к ноябрю 2011 г. и продолжали усиливаться в районе этого учебного центра вплоть до окончания Всеобщего Национального Диалога (ВНД) в январе 2014 г., центрального пункта дорожной карты Инициативы. Участвовавшим в нем хуситам и представителям Ислаха в целом удавалось решать возникавшие разногласия и даже преодолевать такие трудности, как провокационные убийства депутатов Ансаруллах. Но вооруженный

конфликт в Са`аде режиссировался совершенно другими подразделениями Ислаха.

Конфликт вокруг Даммаджа получил широкий резонанс в соседней КСА, а генерал Али Мохсин, занявший пост главного военного советника президента Хади, пытался добиться решения президента перебросить в войска в эту зону. Получив отказ, он стал направлять туда лояльные себе части, нарушая решение президента. Ситуация в Са`аде выходила из-под контроля Хади, и это обстоятельство побудило его в январе 2014 г. принять решение об эвакуации сотен иностранных студентов, обучавшихся в «Дар аль-хадис» из Даммаджа. Решение вызвало жесткую критику действий президента Хади как со стороны салафитского крыла БМ, так и властей КСА. Между тем Ислах объявил о подготовке реванша и начал концентрацию сил южнее Са`ады.

С конца января 2014 г. конфликт между Ислахом и движением Ансаруллах перешел в качественно новую фазу, переместившись на территорию провинции Амран, полностью контролируемую Ислахом. Там и случился неожиданный для Эр-Рияда поворот, круто изменивший весь баланс сил на внутренней политической сцене Йемена в пользу хуситов. Причины поражения клана шейхов аль-Ахмара в вотчине племен хашед, которые считались надежным щитом своего верховного вождейского рода, рассмотрены нами в отдельном комментарии к этой статье. Отметим лишь, что и в этом удивительном факте колоссальная роль принадлежала социокультурной специфике Йемена.

Сыновья шейха Абдаллаха аль-Ахмара выросли в городской среде в отрыве от племен и не располагали необходимым влиянием, основанном на личном авторитете, который и должен определять статус шейха среди обычных кабили. Вместо исполнения первой обязанности вождя — поддержания гармонии в племенах, они сами оказались вовлечены в конфликты со многими из них. Когда в январе 2015 г. клану шейхов аль-Ахмар понадобилась защита, основанная на племенном обычае (урф) — истыфаф (явка всех племен с оружием для коллективной защиты шейха), они получили отказ.

Ведущие шейхи крупнейших племен конфедерации хашед решили не вступать в конфликт с хуситами на стороне шейхов аль-Ахмар. При этом они руководствовались следующими факторами: не менее половины племен хашед остались приверженцами

зейдизма и не хотели воевать с хуситами под ваххабитскими лозунгами БМ; клан шейхов аль-Ахмар воевал с хуситами, не соглашаясь с вождями племен хашед, а выступая в роли лидеров партии Ислах; многие шейхи хашед имели обиды на вождийский клан или находились с ними в состоянии открытого конфликта; больше половины племен хашед еще в 2011 г. заявили о лояльности президенту Салеху, с которым они были связаны системой махсубийя (патронажа) или родственными узами через родное племя президента — санхан в составе хашед, осудив участие шейхов аль-Ахмар в конфронтации с президентом. Заключив договоры с Хуситами, они предоставили им право беспрепятственного прохода в сторону родового селения клана шейхов аль-Ахмар и административного центра провинции, где концентрировались лояльные Ислаху вооруженные группировки. Тем самым они де-факто выразили недоверие клану шейхов аль-Ахмар и афронт радикальному крылу партии Ислах, ввергнувшему север Йемена в полосу нескончаемых вооруженных конфликтов.

Социокультурные факторы поражения Ислаха в противостоянии с хуситами в Са`аде и Амране, как показывает анализ ситуации, не имели никакой связи ни с суннито-шиитскими противоречиями, ни с вмешательством Ирана.

Специфическую помощь хуситам в этом эпизоде оказал бывший президент Салех, которого КСА обвинили в пособничестве, а специальная комиссия ООН в ноябре 2014 г. внесла в санкционный список. Помощь выражалась, во-первых, в обращении Салеха к дружественным племенам хашед с просьбой не ввязываться в войну между хуситами и Ислахом и, во-вторых, в нейтрализации Салехом усилий генерала Али Мохсина в Сане, требовавшего от президента Хади привлечения армии к конфликту против хуситов.

Оказавшись между двумя ведущими полюсами влияния в армии, президент Хади выбрал сторону Салеха, чтобы не пускать под откос Инициативу, за судьбу которой он формально несет ответственность перед народом и ООН. В случае использования армии в этом конфликте произошло бы прямое повторение опыта са`адских войн, который он сам же и осудил в ходе ВНД, принеся публичные извинения от имени государства хуситам и всему населению пострадавших районов северных провинций Са`ада, Амран, Хаджа и Джоуф.

О зарождении подлинного альянса между Салехом и хуситами можно говорить лишь начиная с момента бескровного вступления хуситов в Сану в сентябре 2014 г., вызвавшего бегство из столицы в Эр-Рияд всех трех лидеров Ислаха, принимавших участие в войнах с ними — генерала Али Мохсина, шейха Хамида аль-Ахмара и религиозного шейха Абдельмаджида аль-Зинадани. Оно началось с политической поддержки требования Ансаруллах отправить в отставку утратившее доверие населения «правительства согласия» М. Басиндвы, в котором половина портфелей была отдана Салеху, а половина — оппозиции, т.е. в основном Ислаху. В итоге народная поддержка требования отставки правительства объединила все партии, включая Ислах, а хуситы добились своей первой явной победы на уровне национальной политики.

Отставка правительства согласия и заключение «Договора о мире и национальном партнерстве» 21 сентября 2014 г. — поворотный пункт в развитии управляемого со стороны ООН политического процесса в Йемене, полностью изменивший баланс сил на внутренней арене. Завладев политической инициативой в Сане, хуситы, вступили в альянс с силами бывшего президента Салеха, чтобы вытеснить Ислах с позиций, завоеванных им по ходу Инициативы в провинциях, расположенных южнее Саны. К декабрю 2014 г. они почти достигли границы с бывшей НДРЙ, встретив упорное сопротивление лишь в провинциях Бейда и богатом нефтью Марибе, где Ислаху удалось создать себе племенную базу поддержки с привлечением террористических структур АКАП. Вся кампания сопровождалась резкой активизацией террористической активности АКАП против хуситов в Сане и во всех административных центрах провинций, находившихся ранее под контролем Ислаха.

Деятельность экстремистов из АКАП на стороне Ислаха в противоборстве с СХА позволила силам альянса завоевать широкую поддержку со стороны племен и населения городов, столкнувшихся с проблемой захвата этими структурами функций администрации и органов безопасности. Вступление СХА в прямое вооруженное столкновение с АКАП и несомненные достижения в разгроме этих структур на Севере позволили скрепить зарождавшийся альянс и на фронтах борьбы с террористами. Успех приносили не столько военные операции, сколько способность лидеров Ансаруллах предупредить локальные племена

о пагубности их участия в поддержке террористов как для них самих, так и для арабского мира и исламской уммы.

Возможно, Салехом руководила надежда на пересмотр негативного отношения к себе со стороны США, главного ведущего куратора йеменского переходного процесса, с которыми он был связан многолетним стратегическим партнерством по борьбе с АКАП. Ощутимый прогресс в разгроме АКАП давал ему шанс направить политику США на нейтрализацию открытого гнева Эр-Рияда в связи с очевидным ростом влияния хуситов по всей стране, далеко за пределами зейдитских районов. Но почву для саудовского антагонизма создавали не конфессиональные мотивы, а гораздо более широкий комплекс социокультурных и этнических факторов, которые помогли хуситам впервые с 1970 г. создать в Йемене реальную преграду для беспрепятственного распространения воинствующего фундаментализма и политической мощи БМ в составе Ислаха.

Между тем вместо признания Салех заработал лишь санкции ООН за довольно эфемерную поддержку, оказанную им хуситам в амранском эпизоде. Ключевая роль в курировании Инициативы перешла КСА, а для саудовских властей, равно как и для некоторых представителей политических элит США, роль главного врага в Йемене давно перешла к хуситам. Их лозунг «Смерть США! Смерть Израилю! Позор евреям! Победа исламу!», отражавший взгляды основателя хуситского движения на корень ближневосточных проблем, а не на эти страны, воспринимался такими представителями США, как сенатор Дж. Маккейн, как демонстрация «наступления Ирана». В январе 2015 г. этот политик предлагал ввести в Йемен американский спецназ: «Нам нужно больше солдат на земле. Я знаю, как это нелегко, и Америке нелегко будет это скушать, но я не имею ввиду 82-ю десантную дивизию» [Scanlon 2015].

В опубликованном в апреле 2015 г. обосновании включения фамилии Салеха в санкционный список говорилось: «Многие информаторы сигнализировали, что, несмотря на ведение шести войн против хуситского движения на севере страны между 2004 и 2010 гг., имеется множество данных, что Али Абдаллах Салех сообщая с хуситами стремился к уничтожению базы поддержки и имущества своих врагов, особенно из партии Ислах, представленной в основном Али Мохсиным аль-Ахмаром и кланом шей-

хов аль-Ахмар. По данным информаторов, Али Абдаллах Салех по своей инициативе отдал распоряжение своим последователям в правительстве, силах безопасности и племенах не вмешиваться, чтобы не мешать силам хуситов в достижении их целей» [UNSCS/2015/125].

В этом документе проявился не только однобокий взгляд на проблему отношений Салеха с Ислахом при умолчании о систематических враждебных действиях Ислаха против президента Салеха еще в период пребывания его у власти (включая эпизод теракта 3 июня 2011 г., после которого Салех чудом уцелел), но и своеобразный маневр по переводу вины на Салеха за решения, которые мог принять только президент Хади — Верховный Главнокомандующий Йемена. Санкции ООН против Салеха выглядели больше сигналом недовольствия Эр-Рияда прежде всего в адрес президента Хади, что, вероятно, и побудило его в январе 2015 г., после очередного всплеска недовольства Эр-Рияда, подать прошение об отставке, а в феврале — забрать его обратно, чтобы призвать на помощь войска стран Залива.

Включение фамилии Салеха и двух хуситских лидеров в санкционный список СБ ООН внесло особый вклад в укрепление зыбкого альянса между двумя очевидными политическими противниками — Салехом и хуситами, которых эти санкции впервые поставили в один ряд, не оставив им больше поля для маневра. Их главным козырем с этого момента стала ликвидация террористической угрозы со стороны АКАП в Йемене, чего давно и безуспешно добивались и спецслужбы США.

В риторике, используемой СВК для прикрытия операции «Буря решимости» в Йемене, крайне редко упоминается тот факт, что многие властные институты страны по ходу управляемого политического процесса непрерывно оставались под контролем бывшего президента Салеха, а не переходного президента Хади, и тем более не хуситов. Кроме армии, он контролировал еще и располагавшую парламентским большинством партию власти ВНК, а также львиную долю административного аппарата страны. Военная операция саудовской коалиции в Йемене по этой причине была заранее не способна вернуть Хади к власти, а вольно или невольно она повлекла уничтожение сохранившихся после четырехлетнего внутривластного кризиса элементов системы государственного управления по всей стране. Этот фак-

тор лежит в основе стремительного расширения влияния террористических структур АКАП и ИГИЛ (ДАИШ) на всех территориях, которые объявлены СВК «освобожденными от США».

Главной причиной сохранения в руках Салеха множества властных рычагов после его отставки со стороны кураторов Инициативы было их стремление предотвратить гражданскую войну. Йеменская армия формировалась по принципу персонифицированного подбора офицерских кадров всех уровней по критерию лояльности, а система выплаты денежного содержания военнослужащих через командиров всех подразделений сверху донизу цементировала ее лучше, чем Устав. С переходом генерала Али Мохсина на сторону Ислаха в армии произошел раскол, с которым справиться президенту Хади было трудно. На долю Первой Бронетанковой Дивизии (ПБД) генерала Али Мохсина приходилась примерно треть численного состава всех боеспособных сухопутных частей страны. Салех сохранил контроль над йеменской армейской элитой, в которую входили части Республиканской Гвардии под командованием его сына, генерала Ахмада, ВВС во главе с его сводным братом, а также силы специального назначения, подготовленные и вооруженные американскими инструкторами, которыми командовали его племянники.

Только третий сегмент, образовавшийся в армии в результате реформы, отчасти подчинялся президенту Хади. В этот сегмент входили относительно малочисленные фрагменты армии во главе с офицерами-южанами, имевшими общие корни с президентом Хади. Но и среди них ощущалось заметное влияние Хирака (Мирного движения Юга) — ведущей политической силы Юга.

Провал армейской реформы был заложен в сами условия Инициативы, которые не предусматривали покидание политической сцены ни бывшим президентом Салехом, ни генералом Али Мохсиным, занимавшими в армии ведущее положение на протяжении более тридцати лет. В отличие от президента Хади, чей срок полномочий должен был закончиться всего через два года, в феврале 2014 г., Салех, оставаясь лидером партии власти ВНК (в которой новый президент Хади был его заместителем), а лишенный поста командующего ПБД генерал Али Мохсин, перейдя в Ислах, претендовал на пост президента.

Катастрофические последствия военного вмешательства саудовской коалиции в Йемен начали проявляться уже в первые

месяцы конфликта: на Севере произошла крупнейшая за всю историю страны гуманитарная катастрофа, а удары с воздуха привели к разрушению всей инфраструктуры, включая военные базы регулярной армии. На «освобожденном» от СХА Юге начался быстрый рост влияния джамаата «Ансар аль-Шариа», входящего в структуры АКАП. При этом ни одна политическая задача саудовской коалиции не была и не могла быть достигнута по отмеченным выше причинам.

За первые одиннадцать месяцев военной кампании во главе с КСА в Йемене в зону гуманитарного и политического бедствия превратился также и Юг, в котором военные действия имели очаговый характер, преимущественно в местах размещения стационарных армейских лагерей с гарнизонами, лояльными бывшему президенту Салеху, в т.ч. в районе главной базы ВВС страны — аль-Анад в Ляхдже и нескольких военных лагерей в Адене.

Массированная антишиитская пропаганда скрыла тот факт, что объявление войны «проиранским» хуситам фактически спасло АКАП от поражения и породило крайне опасную тенденцию к консолидации всего радикального фундаменталистского фланга внутри Йемена. Начиная с высадки десанта в Адене в июле 2015 г. СВК начал готовить плацдарм на Юге для наступления на позиции СХА в направлении Саны. Однако сторонники Хирака, с готовностью принявшие участие в боях с СХА в составе «сил народного сопротивления», пока эти бои шли вокруг военных объектов на Юге, категорически отказывались продолжать войну за интересы КСА и Ислаха за пределами бывшей территории НДРЙ. Поэтому радикальный фундаментализм и на Юге стал превращаться в основной инструмент мобилизации населения на войну с хуситами.

В составе «сил народного сопротивления» оказалось множество экстремистов, которых планировалось включить в состав «национальной армии Хади», скрывавшегося до конца ноября 2015 г. в Эр-Рияде и вновь отбывшего туда в конце февраля 2016 г. Именно эти структуры приняли самое участие в атаках и разграблениях военных баз страны и заслужили тем самым право вступить в «национальную армию».

Ложное позиционирование йеменского военного кризиса как проявления суннито-шиитского противостояния позволило АКАП в Йемене спокойно расширять свое влияние на Юге, найдя

легатимацию своей власти через родственные салафитские структуры, действующие вполне официально, типа Ислаха, либо производя «ребрендинг» террористических группировок, называя их другими именами. Так, джамаат «Ансар аль-Шариа» в провинции Хадрамаут был переименован в «Абна Хадрамаут» («сыны Хадрамаута»). Так же стали поступать и в других «эмиратах» Аль-Каиды, захваченных этой группировкой. Так, в «Аденском эмирате» они называют себя «сынами Адена», в Абъянском — «сынами Абъяна», в Ляхджиском — «сынами Ляхджа».

За несколько месяцев салафитские организации на Юге смогли повысить свой статус и поставить под контроль крупные денежные потоки, позволяющие им вербовать новых членов и расширять территорию и дальше. Под их контролем оказались некоторые районы Адена, Абъяна, Ляхджа, Шабвы и Хадрамаута, составляющие главные экономические узлы Юга: порты, торговые рынки, нефтяные терминалы, где террористы организуют сбор пошлин и налогов, подражая государству.

Если в марте 2015 г. южане восприняли объявление войны хуситам саудовской коалицией как спасительную меру, призванную защитить Юг от конфликта между президентом Хади и СХА, к которому они не хотели иметь никакого отношения, то к марту 2016 г. многие проблемы, характерные для этапа созревания конфессионального конфликта в зейдитских районах в 1980-е годы, стали отчетливо проявляться и на Юге. Теракты, систематическое уничтожение лидеров Хирака, в т.ч. привлеченных в администрацию и службы безопасности президентом Хади, насаждение салафитских структур по всему Югу, через которые (помимо поставок гуманитарной помощи бедствующему от военных конфликтов и блокады населению, оружия и денежных средств боевикам) происходит распространение религиозной ненависти к традиционным для шафиитского населения Юга культурным нормам, разрушение исторических и культовых памятников и учреждение новых органов власти, основанных на шариате, что не имеет никакого отношения к Хади.

На Юге тоже завершается процесс разрушения государственной системы управления, а образовавшийся вакуум власти уже плотно заполнился радикальными салафитскими структурами, умеющими ладить с АКАП и ИГИЛ. Недавний политический лидер Юга Хирак, выступавший за освобождение отечества от

«оккупационного» режима Саны, одним из главных инструментов экспансии которого на Юге считались исламисты салафитского крыла Ислаха, оказался в итоге в плачевном положении. СВК по мере увязания в йеменском кризисе все откровеннее переносит центр своей южной политики именно на эти и подобные им силы, чтобы окончательно лишить его идейного влияния и народной базы поддержки.

Структуры БМ и АКАП, представляя разные оттенки радикального фундаментализма, между которыми следует проводить различия, едины в одном — в готовности вести бескомпромиссную борьбу с религиозными традициями автохтонного населения, признанными ваххабитскими улемами недопустимыми новшествами (бида) или рецидивами многобожия (ширк). Причем жесткости их методы почти одинаковы. Ломка толерантной ментальности, характерной для йеменской культуры, производится с помощью демонстрации насилия, издевательства над привычными святынями и ценностями, с использованием обстановку хаоса и гуманитарного бедствия для обработки колеблющихся.

Эффект этой политики на севере Йемена проявился в появлении хуситского движения, выступившего в защиту общества от разрушения самой его формировавшейся веками основы — общей культуры.

СВК старается сохранить высокий уровень антагонизма, сложившийся в менталитете южан по отношению к Северу, чтобы не дать возможности хусизму проникнуть на Юг и объединиться с аналогичными мотивами в идеологии Хирака. Изоляционистский от общейеменских проблем настрой лидеров Хирака, несмотря на негативный опыт одиннадцати месяцев саудовской военной интервенции, все еще определяет тактику движения. Но эволюция назревающего конфликта на Юге в направлении формирования собственного социально-политического ответа южан на политику СВК и разгул АКАП неизбежно приведет к образованию смычки с хуситами, чья идеология в первую очередь базируется не на шиитских, а на националистических ценностях, как и у Хирака.

Вся мощная пропагандистская машина, контролируемая СВК, рисует главным виновником катастрофического положения всей страны «ирано-хуситского» агрессора, якобы вторгнувшегося в Йемен извне. Однако обманываться готовы лишь сторонники

салафитских структур, щедро финансируемых этим командованием. Экономическая разруха и острый дефицит финансовых ресурсов на Юге являются мощными инструментами политики СВК, но, как показал опыт хуситов на севере, не монопольными. Йеменский социум несомненно располагает большим социокультурным потенциалом для отпора внешним угрозам для своего национального характера, сформировавшегося на почве как религиозных, так и светских ценностей.

Мишенями радикальных салафитских группировок на Юге являются в первую очередь суфийские завии и обряды почитания местных святых угодников Аллаха (аулийя), а также представители традиционной исламской духовной элиты, выступающие за прекращение пропаганды религиозной ненависти и против попустительства структурам АКАП и ИГИЛ (ДАИШ).

Следовательно, речь идет не о суннито-шиитском конфликте, а о конфликте совершенно иного плана. Социокультурная составляющая военной интервенции во главе с КСА в Йемене нацелена на насаждение чуждого Югу воинствующего фундаментализма и стирание уникальной южнойеменской культурной идентичности, подрыв сложной системы социальных нитей, связывавших воедино плюралистический по своей природе йеменский социум.

Роль авангарда в этой политике отдана структурам АКАП, которые наносят йеменскому социуму не меньший вред, чем внешним жертвам своих деяний. Трудно объяснить причину отхода США от борьбы с АКАП в Йемене, которую еще в феврале 2011 г. директор Национального контртеррористического центра США М. Лейтер характеризовал как «самую вероятную серьезную угрозу для США» [Leiter 2011] в качестве своего главного внешнеполитического приоритета. Поддержка США саудовской коалиции против СХА, добившегося в 2014–2015 гг. реального прогресса в уничтожении этого террористического гнезда в Йемене, вступила в противоречие со всеми заявлениями и принципами, установленными с 2001 г. и привела к краху политики Вашингтона в Йемене, на глазах погружающегося во власть АКАП и ИГИЛ.

Превращение Юга Йемена в вотчину для террористов вызывает лишь малозначительные упреки в адрес СВК со стороны США и Великобритании. Для поддержания своего имиджа среди западных партнеров спецслужбы США вынуждены продолжать

наносить ракетные удары с БЛА по главарям АКАП на Юге страны по ходу саудовских операций «Буря решимости» и сменившей ее «Возрождения надежды», вступая в известный конфликт с логикой командования. В июне 2015 г. ракета, запущенная с американского БЛА, уничтожила лидера и основателя АКАП в Йемене Насира аль-Вухейши, беззаботно разгуливавшего по улицам главного административного центра провинции Хадрамаут г. Мукаллы. В начале февраля 2016 г. точно так же был убит военный лидер «Ансар аль-Шариа» г. Дж. Бельиди аль-Маргиши.

В ответ на свои потери боевики АКАП и ИГИЛ (ДАИШ) грозят мщением силам саудовской коалиции, базирующимся в Адене, где у террористов появились за последние месяцы прочные базы. Главный город Юга — Аден — превратился в основную арену терактов во всем Йемене. Разорение христианских и суфийских центров, убийство монахов и постояльцев домов престарелых, вмешательство в деятельность Аденского университета, нападения на административные здания и штабы армии и сил безопасности, бандитские нападения на горожан, убийства губернаторов и армейских командиров... Все это вошло в обыденную жизнь этого города, славившегося своим мирными традициями и космополитизмом. За месяцы саудовской военной кампании в Йемене Аден стал своеобразным стадионом, в котором тысячи иностранных солдат и администрация президента Хади следят за соревнованием в жестокости террористов АКАП и ИГИЛ (ДАИШ).

Согласно официальным данным к марту 2016 г. саудовской коалиции удалось освободить от СХА 85 % территории Йемена, но, как показывает ситуация в Адене, Ляхдже, Абъяне, Шабве и Хадрамауте, установить главного бенефициара от этого факта, не считая террористов, не так просто. По нашим оценкам, численность введенного в Йемен под командованием СВК контингента составляет примерно 17 тыс. прекрасно оснащенных и вооруженных солдат и наемников-профессионалов. Но и им не удастся создать хотя бы небольшой плацдарм в районе хорошо укрепленного президентского дворца Маашик в Адене, чтобы дать возможность Хади все же переехать в Йемен из КСА. Или цель операции в другом?

Бессмысленность точечных американских ударов по главарям террористов с использованием БЛА в условиях стремительного

нарастания вакуума власти по всему Юге характеризует динамика расширения зоны контроля структур АКАП за месяцы саудовской интервенции. 2 апреля 2015 г. боевики «Ансар аль-Шариа» захватили административный центр самой крупной провинции страны — Хадрамаута (37 % территории страны); 6 мая 2015 г. — портовый город Шихр с расположенным вблизи крупнейшим нефтяным терминалом, через который осуществляется экспорт нефти; 2 декабря 2015 г. они вновь овладели крупными городами провинции Абъян — Джааром и Зинджибаром, оставленными ими в 2012 г.; в середине января 2016 г. в Хадрамауте был создан крупный военный тренировочный лагерь АКАП «аль-Адвас», куда была перемещена тяжелая военная техника, захваченная у армии; 25 января 2016 г. структуры АКАП вошли в Хоту — административный центр провинции Ляхдж; 1 февраля 2016 г. силы АКАП завладели крупным транспортным центром в провинции Шабва — Аззаном, а через два дня расположенным вблизи в той же провинции — Хаббаном; 4–6 февраля 2016 г. они добавили к своим зонам контроля в Абъяне города Махфад, Шагра и Ахвар [составлено автором по материалам йеменской прессы].

Американский журнал «Форин Полиси Джорнал» в сентябре 2015 г. опубликовал статью, в которой говорится, что «фактическое установление партнерства между Эр-Риядом и АКАП становится все более очевидным благодаря отказу СВК бомбить позиции АКАП при активных бомбардировках других территорий» [Caferio, Wagner 2015].

В феврале 2016 г. американская пресса обратила внимание на интервью высокопоставленного саудовского генерала А. Асири, который не смог привести ни одного факта нанесения удара коалиции хотя бы по одной цели АКАП в Йемене [Ahmed 2016]. Но даже если СВК предпримет демонстрационные шаги и произведет отдельные удары по каким-то складам АКАП, динамика развития политической ситуации в стране, объявленной зоной «суннито-шиитского» противоборства, в целом не изменится. Йемен ожидает погружение в кровавые сектантские конфликты, способные полностью уничтожить его культуру.

Понимание именно такой динамики процесса в Йемене растет и среди европейских парламентариев, принявших в конце января 2016 г. резолюцию, в которой они «призвали коалицию во главе с КСА прекратить рассматривать конфликт в Йемене как арену

битвы между суннитами и шиитами и начать переговоры с Ираном, чтобы прекратить конфликт» [В8-0160/2016 2016, п. 6].

* * *

Другая версия причин саудовского вмешательства состоит в том, что хуситы совершили переворот против переходного президента Хади, тем самым нарушив условия Инициативы ССАГПЗ. Но эта версия ни разу не звучала из уст ведущего координатора проекта в Йемен — специального посла Генерального секретаря ООН Беномара, который занимался подготовкой и продвижением всего плана с апреля 2011 г. Он продолжал работать в Санае до 21 марта 2015 г., не заметив ничего подобного. Совершенно очевидно, что если бы фатальные нарушения условий плана со стороны хуситов действительно имели место, то только СБ ООН имел право принять соответствующие решения по их пресечению. Но такого повода не нашлось.

Реализация «дорожной карты» Инициативы с самого начала вызывала колоссальные трудности, и ее метко называли «ухабистой». Благодаря международным посредникам и специальному послу ООН за ноябрь 2011 — март 2015 гг. план с трудом преодолел большую часть пути и продолжал продвигаться к своему финалу при возникновении новых проблем. Одна из трудностей, с которыми столкнулись кураторы Инициативы, состояла в высокой фрагментарности йеменской политической сцены, невозможности выделения политического лидера. Председатель популистской партии власти ВНК, бывший президент Салех, определяя методы управления страной, сравнивал их с «пляской по головам змей». Племенные, региональные, этнокультурные и религиозные противоречия давали почву для деятельности большого числа группировок, формирующих непредсказуемые коалиции по ходу переходного процесса.

Революция 2011 г. вызвала к жизни десятки новых политических партий и объединений, еще более усложнив конфигурацию сил в Йемене. Из участия в проекте организаторами были исключены лишь террористические структуры АКАП. Все остальные получили доступ к переговорам. Вывод политической конкуренции за рамки соперничества между правящей ВНК и оппозиционным блоком Муштарак в составе шести партий (включая Ислах и ЙСП) позволил как минимум трем новым акторам вклю-

читься в борьбу, претендуя на гораздо более важные роли, чем прежде: хуситам (Ансаруллах), южнoйеменскому Хираку и довольно разъединенной, но массовой силе, рожденной революцией 2011 г. — молодежи, выступившей как против ВНК, так и против Ислаха.

Поставив целью кратчайший путь к власти, радикальные лидеры Ислаха проиграли, не рассчитав силы. Но какое отношение это изменение имеет к инкриминируемому хуситам перевороту и срыву Инициативы?

Умеренное крыло Ислаха осталось полноправным участником политического процесса наряду со всеми прочими акторами и после усиления позиций Ансаруллаха и Салеха в связи с изменением баланса сил в сентябре 2014 г.

Крепкая финансовая зависимость Йемена от внешних доноров, среди которых КСА и США давно принадлежала первостепенная роль, исключала сценарий, нарисованный Эр-Риядом в части превращения Йемена в агента влияния Ирана. Йемен в случае усиления роли хуситов мог остаться лишь самостоятельным суверенным актором, каковым он традиционно и выступал в Аравии. Никаких шансов и стремления у сейида Абдельмалика аль-Хуси, лидера Ансаруллах, превратиться в единоличного лидера в стране не наблюдалось. Мотивы интервенции, если следовать официальной версии, представляются совершенно неубедительными.

Тенденциозная саудовская трактовка вступления хуситов в Сану 21 сентября 2014 г. служит отправной вехой в диаметральной расхождении взглядов КСА и ООН на продолжение мирного процесса урегулирования в Йемене. С этого момента политика Эр-Рияда развернулась в сторону торпедирования мирного процесса, а политика ООН — на его модификацию и адаптацию к новым политическим реалиям с генеральной целью сохранения мирного характера транзисии.

Члены СБ ООН приветствовали подписание «Договора о мире и национальном партнерстве» 21 сентября 2014 г., а в КСА, приняв на своей территории бежавших из Саны лидеров радикального крыла Ислаха, начали готовить военный ответ. Договор был подписан президентом Хади и всеми политическими партиями, включая умеренное крыло Ислаха в присутствии Джамала Беномара. В этом договоре легальность завершающего этапа

переходного процесса была закреплена за итоговым документом Всеобщего Национального Диалога (ВНД) — центрального мероприятия Инициативы, что полностью соответствовало рекомендациям СБ ООН и специального представителя ООН в Йемене. В КСА подписание Договора было воспринято как недопустимая уступка хуситам и повод для оказания нажима на президента Хади путем использования финансового рычага, а также на своих стратегических западных партнеров в СБ ООН для наложения санкций ООН на бывшего президента Салеха, которого ранее поддерживали как давнего союзника в контртеррористической операции.

События середины января 2015 г. в Сане тоже трудно квалифицировать переворотом. 22 января президент Хади и председатель правительства Х.М. Бахах передали свои прошения об отставке в парламент страны. Хуситы, вместе со всеми прочими политическими силами Йемена, пытались побудить президента Хади и премьер-министра отозвать свои заявления, чтобы не допустить срыва финальной фазы урегулирования.

Именно хуситам, больше чем остальным участникам процесса, были невыгодны отставки глав высших исполнительных органов власти страны хотя бы потому, что они уже добились гарантированного участия в заключительных мероприятиях, достигнув заметного прогресса в укреплении собственной роли. Хуситы опасались провокаций и терактов, которые сопровождали весь процесс урегулирования и могли сорвать финал. Только этим объяснялось усиление ими мер безопасности в Сане, истолкованное постфактум как переворот. Но о каком перевороте могла идти речь, если дворец и резиденция президента были взяты под охрану хуситской милицией без каких-либо ограничений на контакты президента с внешним миром уже после подачи им заявления об отставке? Разве допустили бы хуситы или Салех, которому принадлежало большинство в парламенте, задержку в утверждении отставок, длившуюся целый месяц, если бы они выступали за переворот? Или разве смог бы президент Хади тайно бежать из своей резиденции в Сане в столицу охваченного сепаратизмом Юга, если бы режим его содержания был тюремным, как стали утверждать позже сторонники версии переворота?

Тайное переселение президента Хади в Аден 21 февраля 2015 г. и отзыв им своего заявления об отставке действительно создали

кризисную ситуацию в стране. Перемещение большинства посольств в Аден создало обстановку искусственного двоевластия в стране в момент, когда усилиями Дж. Беномара в Санае уже завершалась разработка плана по созданию временных альтернативных органов исполнительной власти республики для подготовки к предстоящим по плану Инициативы выборам. В Йемене должен был появиться коллективный президентский совет, в который намеревались пригласить и переехавшего в Аден Хади. Дж. Беномар покинул Сану 21 марта 2015 г., чтобы доложить о нем на заседании СБ ООН в надежде продолжить свою миротворческую миссию. Главной предпосылкой для такого сценария было согласие всех йеменских участников урегулирования, включая умеренное крыло Ислаха, одного из ведущих участников всех переговоров Дж. Беномара в Йемене, следовать именно этим путем. Однако, сделать этого ему не удалось в связи с началом интервенции.

Как использование иранской и шиитской карты, так и миф о перевороте выступали прикрытием принятого Эр-Риядом без согласования с ООН политического решения. Ведущие западные ученые-востоковеды осудили поддержку правительствами США и Великобритании военной интервенции в Йемене, хорошо представляя себе, какие социокультурные и политические последствия для всего региона она вызовет.

«Вместо того, чтобы участвовать в уничтожении страны, США и Великобритания должны содействовать принятию СБ ООН резолюции о немедленном и безоговорочном прекращении огня и использовать свой дипломатический вес для укрепления суверенитета и самоуправления Йемена. Являясь специалистами, мы прекрасно осведомлены о наличии внутренних разногласиях в йеменском социуме, но считаем, что самим йеменцам надо дать право искать пути политического урегулирования». Письмо в середине апреля 2015 г. было подписано такими известными йеменистами, как Стив Кэтон (Гарвард), Шейла Карапико (Ричмонд), Пол Дреш (Оксфорд), Габриель вом Брюк (Лондон) и Шела Вейр и др. [Tharoor 2015].

Непрозрачность намерений СВК в Йемене, проблема «освобожденных» от СХА территорий Юга, очевидная неспособность Хади выступить во главе позитивного процесса восстановления государственных институтов и, наконец, назначение заместите-

лем Главнокомандующего генерала Али Мохсина с присвоением ему звания генерала армии, сделанное 23 февраля 2016 г. в Эр-Рияде, — все это завело йеменский кризис в тупик, из которого трудно найти выход, не изменив подходы к этой проблеме, заложенные Резолюцией СБ ООН 2216 от 14 апреля 2015 г. Новые данные, полученные за 11 месяцев саудовской военной операции в Йемене, дают все основания для пересмотра некоторых ключевых положений, начиная от переоценки характера действий разных йеменских сторон накануне вторжения и кончая ролью саудовской коалиции в создании в Йемене самого крупного на планете очага гуманитарного бедствия.

Трудно назвать причины, побудившие США и Великобританию оказать поддержку КСА и принять участие в работе СВК. Направляя удары против сил бывшего президента Салеха, которые были подготовлены самими американскими инструкторами и вооружены за счет средств, выделенных правительством США для борьбы с терроризмом, они оказались по одну сторону баррикад с АКАП, которая тоже совершает атаки на военные лагеря йеменской армии на Юге. Если не закупки вооружений властями КСА, выведшие королевство в 2014 г. на первое место в мире по военному импорту, то что привлекает ведущие страны Запада к поддержке саудовской коалиции в Йемене? Зачем США и Великобритании понадобилось идти на такие риски ради приведения к власти партии Ислах, которая, по выражению Ч. Шмица, «всегда выступала ядром саудовского влияния в Йемене и <...> саудовским выбросом ваххабитской идеологии»? [Schmitz 2014].

Военная интервенция во главе с КСА в Йемене оказалась прочно связанной с изменениями внутри самого королевства, направленными на закрепление судейритской ветви правящей династии, которую представляет вступивший на престол в январе 2015 г. король Сальман бин Абдул Азиз аль-Сауд, у власти в королевстве. Эта ветвь связана кровным родством с родом основателя ваххабитского учения — Мухаммада Абд аль-Ваххаба, входящего в высшие религиозные элиты КСА. Объявление в марте 2015 г. войны в Йемене сопровождалось назначением королем своего тридцатилетнего сына, принца Мухаммада бин Сальмана, командующим штаба операции «Буря решимости» и утверждением его заместителем наследного принца с нарушением установленной очередности престолонаследия. Поэтому явная неуда-

ча в Йемене чревата крупными неприятностями и самой правящей династии.

Этот фактор, к сожалению, только добавляет трудностей к переводу конфликта в политическое русло, которого добиваются Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун и Исмаил Ульд Шейх Ахмад — его новый специальный представитель в Йемене.

Йеменский кризис, вызванный военным вмешательством саудовской коалиции, имеет немало особенностей, выделяющих его из ряда аналогичных конфликтов на современном Ближнем Востоке:

— это первый случай в мировой практике международных отношений, когда в стране, добровольно принявшей посредническую миссию СБ ООН для мирного вывода ее из кризиса, прерывание процесса и переход к иностранной военной интервенции произошел без санкции самого СБ ООН;

— впервые, в конфликте фигурирует такой фантомный участник кризиса, как Иран, которого КСА считает агрессором, руководя силами вторжения в Йемен, где военного участия Ирана не наблюдается вовсе;

— впервые планирование военной кампании в одной из беднейших стран мира с 26-миллионным населением, которая на 70–80 % зависит от импорта продовольствия даже в бескризисное время, осуществлено страной Третьего мира по типичным натовским стандартам. Уже в первые дни вся инфраструктура противника подверглась разрушению с воздуха, а по всему периметру страны была установлена полная блокада, мешавшая даже доставке международными организациями гуманитарных грузов. Причем в этой блокаде был задействован также флот США;

— впервые США продемонстрировали фактический отход от приоритета борьбы с Аль-Каидой в Йемене, которая находилась в центре стратегии Вашингтона в этом регионе с 2001 г., и открыто блокировались с властями страны, которая своими главными врагами объявила хуситов — единственную силу в Йемене, доказавшую на деле способность в кратчайшие сроки уничтожить АКАП, в т.ч. и идейно, изобличив террористов в пособничестве враждебным исламу тенденциям;

— впервые столь масштабная военная интервенция против находившегося на пороге распада Йемена за одиннадцать месяцев не смогла достичь ничего, кроме масштабной гуманитарной,

экономической и политической катастрофы, а также стремительного роста влияния на «освобожденных территориях» Йемена террористических структур АКАП и ИГИЛ (ДАИШ).

* * *

В трех комментариях к основному тексту статьи мы затронем темы, имеющие, с нашей точки зрения, принципиальное значение для понимания пружин йеменского кризиса:

Об эволюции йеменского зейдизма от шиитского ислама в сторону суннизма

Является ли причиной политического усиления хуситов на Севере Йемена поддержка шиитских международных структур (Ирана или ливанской «хизбуллы») или им удалось завоевать доверие суннитского большинства в этой части Йемена? Почему Юг проявляет настолько сильный антагонизм к хуситам, что даже поддержал саудовскую коалицию и обвинил хуситов в захватнических планах? Не является ли это отношение манифестацией конфессионального суннито-шиитского конфликта, о котором так любят говорить СМИ?

Даже в ортодоксальной трактовке зейдитского вероучения — «хадавийя» (по имени основателя мазхаба — имама Хади иля аль-Хакк) — оно всегда занимало пограничное положение между суннизмом и шиизмом. Зейдизм признает сунну Пророка и суннитскую трактовку правового учения (фикха) имама М. Шафии и в то же время никогда не имел даже тени признания принципа «вилает аль-факих» («правление духовного лидера — факиха»), занявшего центральное место в трактовке имамом Хомейни иранской версии шиитского ислама — джаафаризме. В зейдизме отсутствуют даже намеки на постулат о непогрешимости имама, который принят другими шиитскими школами, включая джаафаризм. Зейдитский догмат об имаме, позволяющий его относить к шиитской ветви ислама, ограничивается признанием монопольного права «Дома пророка», т.е. потомков Порока через его дочь Фатиму и двоюродного брата Али бин Аби Талеба, называемых в зейдитской части Йемена хашимитами, на обладание титула имама, а также наделение имама правом призыва (да`ава) верующих к оружию против супостата.

Этим и ограничиваются политические права имама в классическом зейдизме. В остальном зейдитское учение об имама как предводителе общины верующих не расходится с шафиитской школой ислама. «Зейдиты могут быть названы наиболее умеренной ветвью шиизма. Они отрицают божественную природу имама, настаивая лишь на том, что избранный имам (или сразу несколько имамов <...>) должен быть Алидом, ратующим за справедливость. <...> Вот почему отношения зейдизма и суннизма довольно терпимы», — отмечает М.А. Родионов в своей книге «Ислам классический» [Родионов 2004: 74].

Уже переход к монархии в северном Йемене, начавшийся в 1918 г., заставил короля-имама Яхью Хамидуддина внести изменения в правила наследования титула имама, которые устанавливались классическим зейдизмом и состояли в процедуре выборов имама на конкурентной основе по критериям, основанным на индивидуальных качествах кандидата. Эти изменения вызвали большое неудовольствие среди зейдитских племен, и король Яхья смог утвердить только своего сына Ахмада, ставшего вторым и последним наследником королевства. В традиционном имамате, основанном в 897 г. имамом Яхьей аль-Расси, политические функции имама приветствовались, но были необязательны.

После победы республиканской революции в ЙАР зейдизм как признанная школа ислама был охвачен длительным упадком. Власти опасались рецидивов мятежей со стороны зейдитов и урезали их в правах в части публикации литературы, финансирования религиозных школ, созданных еще имамом Яхьей Хамидуддином — «мадарис ыльмийя». Параллельно в стране шла полным ходом религиозная реформа под патронажем могущественного шейха Абдаллаха аль-Ахмара. В 1997 г. в контролируемую БМ сеть салафитских религиозных колледжей «маахид ыльмийя» входило 1000 заведений с полумиллионом студентов и бюджетом в 50 млн долл. в год [vom Bruck 1999: 178]. Колоссальный политический вес шейха Абдаллаха в обществе и государстве привлек множество выходцев из зейдитских племен в эти колледжи, в которых порицались и культовая практика зейдитов, и отдельные положения этого вероучения, и, прежде всего, закрепление за хашимитами престижных религиозных функций в обществе. Все это с точки зрения радикальных фундаменталистов является

проявлением опасных новшеств (бид`а), язычества (ширк) или ересью (кяфр).

Упадок зейдизма сопровождался нарастанием социальной напряженности в зейдитских районах, в т.ч. на почве сектантских разногласий. Запрет на празднование `Бд аль-Гадир со стороны властей, мотивированный заботой о безопасности граждан, провоцировал обратную реакцию со стороны зейдитов.

Постоянный автор ближневосточного проекта MERIP, Ш. Вейр, проводившая исследования на протяжении нескольких лет (1970–1990-е годы) в уезде Разих (провинция Са`ада), отмечала: «С середины 1980-х годов организованные в племена коллективы Разиха были расколоты сектантским конфликтом в результате атак со стороны ярых и множившихся адептов ваххабизма на шиитское зейдитское большинство» [Weir 1997].

Озабоченные угасанием и оттеснением зейдизма, связываемыми зейдитскими улемами с недоверием к ним со стороны республиканских властей, они начали реформировать тревожившие власти положения доктрины, в результате чего противоречия с республиканским режимом правления были устранены. Учение об имаме было подвергнуто еще большей деполитизации, а постулат об обязательной принадлежности имама к хашимитскому роду был признан утратившим абсолютную ценность для верования. Ведущий зейдитский богослов сейид Зейд б. Али аль-Вазир высказал даже мнение, что от этого постулата пострадали прежде всего сами сейиды (хашимиты), которые должны были вступать в острую конкуренцию друг с другом всякий раз, когда наступало время выбора нового имама.

Другой представитель древнего зейдитского духовного клана — сейид Ахмад б. Мухаммад аль-Шами — пошел еще дальше, утверждая, что монопольное обладание политической властью (вилайят аль-амма) хашимитами вообще противоречит роли духовного лидера в обществе. В центре его концепции находится классический для зейдизма вопрос о справедливом имаме — избранныке народа [vom Bruck 1999: 189].

Часть зейдитской общины Йемена отошла от хадавизма и последовала за этой группой улемов, вошедших в зейдитскую партию аль-Хакк. В результате по крайней мере те духовные руководители зейдитского ислама в Йемене, которые являются последователями партии аль-Хакк, включая и клан сейдов аль-Хуси,

вплотную приблизились к суннизму и утратили последние черты имамизма, являющегося главным признаком шиитской ветви ислама.

Наступление ваххабизма через структуры Ислаха было направлено в значительной степени против традиционных религиозных элит Йемена — хашимитов, которые цементировали социальную ткань йеменского общества, выступая в роли ведущего коммуникационного звена как внутри племен, так и в отношениях между двумя основными этнокультурными составляющими социума — бадву (племен) и хадар (горожан). Разрушение этого звена, по мнению доктора Габриелы вон Брюк (СОАС, Лондон) находилось в центре внимания ваххабитских кругов КСА, которые «все религиозные дебаты в Йемене власти КСА рассматривают прежде всего как инструмент лишения легитимности бывших властных элит, которым все еще принадлежит влиятельная роль и стирания зейдизма как формы шиитского ислама» [vom Bruck 1999: 171].

Один из основателей созданной в 1990 г. зейдитской партии аль-Хакк, сейид аль-Шами, в частности, высказал следующее суждение о роли ваххабизма: «Ваххабизм — сын империализма, и вольно он разгуливает по нашей стране. Оба суть проявление одного и того же явления. Как можно противостоять врагу, если мы его не видим? Мы видим империализм у нас дома в исламских одеждах. Но наш враг еще коварнее, чем империализм: ваххабизм готовит исподволь почву для нашего порабощения колониализмом» (цит. по [Haykel 1999: 198]).

Мотив защиты зейдизма, по мнению автора фундаментальной монографии об истории са`адских войн в Йемене Барака Салмони, побудил кабили и неплеменные группы населения (Са`ады) встать на защиту зейдитской доктрины и культовой практики перед лицом яростного наступления.

Война является прямым продолжением политики КСА в Йемене, элементом которой является экспансия ваххабизма в этой стране. В данном случае не столь важно, к какой ветви относить современный зейдизм — шиитской или суннитской. Важно другое — что эта почвенная идеология входит в понятие йеменской идентичности, которая служит главным препятствием для включения Йемена в саудовскую сферу геополитического влияния. Это означает, что на Юге может произойти то же самое.

Роль племенного фактора в поражении Ислаха в провинции Амран

В январе 2014 г. вооруженные группировки Ислаха, пришедшие в район учебного центра Дар аль-хадис, отступили, а часть племенных ополчений, нанятых шейхом Хамидом аль-Ахмар, вернулась в родную провинцию Амран (южнее Са`Ады), отделяющую ее от Саны. Эта провинция находилась под полным контролем Ислаха. Губернатор и командующий ариейской бригадой были членами партии Ислах, а большинство населения составляли племена хашед, считавшиеся несокрушимым оплотом могущественного клана шейхов аль-Ахмар. Создание на ее территории нового плацдарма для реванша против хуситов было вопросом короткого времени. Поэтому лидеры хуситов решились преследовать те вооруженные ополчения, которые участвовали в боях с ними в Са`аде, чтобы довершить их разгром. Они вступили с этой целью в переговоры с шейхами племен хашед, испросив у них разрешение на беспрепятственный проход своей милиции с полным вооружением сквозь их племенные территории. Параллельно, эти шейхи имели контакты с кланом шейхов аль-Ахмар, требовавшим, чтобы они вступили в бой с хуситами, и с бывшим президентом Салехом (также членом племени санхан, входящего в хашед).

К началу февраля 2014 г. удивившее многих решение было принято в пользу просьбы хуситов. Договоры с хуситами заключили такие крупные племенные подразделения хашед, как бани `изр, бани кхарифа, бани сурейм, а устные соглашения — даже некоторые подразделения родного для шейхов аль-Ахмар племени аль-`усеймат. Хуситы беспрепятственно подошли к родовому селению клана аль-Ахмар в аль-Хамри, на защиту которого генералом Али Мохсиным были направлены армейские части в поддержку оставшихся ополчений наемников. Однако проход армейскому подкреплению был закрыт шейхами племен и селение было захвачено хуситами при минимальном кровопролитии. Шейх Хамид аль-Ахмар обратился за военной помощью к КСА, но шок от поражения клана шейхов аль-Ахмар, главного клиента КСА в Йемене на протяжении десятилетий, был столь велик, что ему посоветовали больше не сотрудничать с Братьями Мусульманами в составе Ислаха и посоветовали искать помощь в Катаре [Б.И. Fight 2014].

Никакого иранского следа в поражении Ислаха в провинции Амран, своего рода главной крепости племенного крыла партии Ислах, власти КСА в то время не видели, а прямо связали поражение клана шейхов аль-Ахмар с их политическими просчетами и утратой авторитета среди племен хашед.

Это и последующие события в Амране: почти бескровное вступление хуситов в административный центр провинции, отставка губернатора и полная смена власти в провинции к августу 2014 г., — широко комментировались в йеменской прессе с публикацией любопытных подробностей. Были названы следующие причины лишения шейхов аль-Ахмар поддержки со стороны племен хашед: а) конфликт клана с крупнейшим племенным подразделением хашед — бани `изр; б) отчуждение со стороны вождя крупных племен бани сурейм и бани кхарифа по отношению к шейхам аль-Ахмар на почве проявляемого ими высокомерия и присвоения ими права единолично решать судьбу племен без положенных обычаями консультаций с ними; в) междоусобицы в родном племени клана — аль-усеймат; г) утрата взаимодействия клана с племенами; д) сильное влияние Салеха на половину племен через систему махсубийя (патрон-клиент); е) конфессиональный раскол среди хашед между традиционным зейдизмом и прозелитским салафизмом; ж) нехватка финансовых средств у шейха Хамида аль-Ахмара для выплаты денежных пособий и компенсаций для своих наемников, которые он ввел в конфликт с хуситами с 2004 г.; з) подмена сугубо моральных обязательств, традиционно связывавших вождийский род с племенами, денежными, что в корне поменяло природу этих отношений [Б.И. Kharitat 2014].

Комментаторы констатировали утрату кланом шейхов аль-Ахмар влияния в племенах хашед, которое составляло основу их политического влияния в обществе, государстве и партии Ислах. Летом 2014 г. в газете «Аль-васат» появились публикации ответов ряда крупных племенных вождей хашед на упреки и обвинения в предательстве со стороны шейхов аль-Ахмар. В заметке под названием «Вожди кхариф провалили попытки Ислаха втянуть их в конфликт в Амране и отказываются перекрыть дороги для передвижения хуситов» [Б.И. Mashaikh 2014] шейх Кахлян Абу Шавариб связал войну с хуситами с политикой партии Ислах, не имеющей ничего общего с обычаями племенной солидарности,

на которые ссылались шейхи аль-Ахмар. Ему вторил вождь племени бани сурейм Али Хамид аль-Джулейдан, которого прочили на место верховного вождя конфедерации вместо шейха Садыка аль-Ахмара.

Нельзя не отметить, что ситуация в конфедерации хашед, игравшей роль системообразующего элемента государственного строительства на Севере с момента образования ЙАР, определялась также сознательным стремлением шейхов этих племен сохранить свои привилегии и дальше. С 1978 г. оба высших государственных поста в ЙАР были заняты выходцами из племенной конфедерации хашед. В назначении Салеха на пост президента решающее слово имел верховный вождь хашед шейх Абдаллах аль-Ахмар, который учитывал не только армейскую карьеру молодого офицера Салеха, но и его племенные корни, прочно связывавшие его с племенем санхан из конфедерации хашед, признававшим его своим верховным вождем. В итоге выходцы из племени санхан составили высшие элиты всей йеменской армии и спецслужб. Сам Шейх контролировал законодательное собрание, образовательную систему страны и ряд ключевых министерских постов.

Объединение двух йеменских государств в 1990 г. лишь на короткое время нарушило властный тандем на базе племен хашед, сложившийся в ЙАР. После поражения южан в гражданской войне 1994 г. конфигурация политической системы Йемена вернулась к прежнему состоянию. Разница состояла лишь в том, что с переходом на многопартийность часть племен хашед оказалась клиентами партии Ислах и шейха Абдаллаха аль-Ахмара в системе махсубийя, а часть — партии власти ВНК и президента Салеха.

Когда в феврале 2011 г. в Сане вспыхнула революция, шейхи племен хашед не торопились следовать призывам своего вождийского клана аль-Ахмар и Ислаха добиваться скорейшего свержения президента Салеха. После кончины шейха Абдаллаха аль-Ахмара в 2007 г. оторванные от своих племен шейхи аль-Ахмар утрачивали необходимый для верховного вождийского рода авторитет, связав свое политическое будущее с БМ в составе Ислаха. Президент Салех, наоборот, наращивал влияние в племенах, используя колоссальный административный ресурс и выплачивая всем шейхам стипендии из бюджета.

Свое отношение к призывам Ислаха шейхи продемонстрировали в ходе двух племенных конференций, проходивших в Сане летом 2011 г. Шейхи считали нерациональным поднимать бунт против своего соплеменника по конфедерации хашед, о чем прямо заявили своим верховным вождям.

Решающее значение в конфликте клана верховного вождя хашед с племенами имела интерпретация разными сторонами спора предписаний обычного племенного права — урф. Отказавшие в поддержке клану шейхов аль-Ахмар племенные вожди отмечали, война с хуситами велась в интересах салафитской партии Ислах без консультаций с ними. Они указали шейхам аль-Ахмар, что согласно урфа для любого шейха племенные интересы должны стоять выше партийных. Шейх Джулейдан обвинил клан шейхов аль-Ахмар во лжи, когда ими был использован аргумент, позволивший обвинить его в нарушении первого правила урфа — обязательной солидарности племен для защиты своих вождей. Он объяснил их поражение политическим банкротством и посоветовал лидерам партии Ислах «собраться и пересмотреть все то, что привело их к тому, к чему они пришли, и сопоставить этот результат с тем, о чем мы предупреждали их с самого начала» [Б.И. Al-sheikh 2014].

О специфике положения в Хадрамауте на юге Йемена

Регионализм — неотъемлемая черта политического механизма Йемена. Эта специфика связана с проекцией исторических и этнокультурных факторов, отпечатанных в этническом самосознании населения страны, на властные отношения в государстве и обществе. Его манифестацией является принцип мухаса-са — долевого раздел властных функций в госаппарате между полюсами силы, в т.ч. представляющих регионы. В современном Йемене он подменяет демократизм. Через этот механизм регионы не только обслуживают свои бюджетные потребности, но и обеспечивают своим землякам необходимые социальные и карьерные лифты через систему махсубий.

После гражданской войны 1994 г. весь Юг, т.е. бывшая территория НДРЙ, оказался отрезанным от этих каналов, поскольку почти все имевшиеся там властные группировки выступали

в войне на стороне южан против Севера. Власти Саны предприняли попытку сформировать альтернативные, враждебные бывшим властям НДРЙ центры влияния, чтобы заменить ими прежние элиты. Для этого использовался отработанный прием — кооптация во властные органы представителей групп населения, пострадавших от революционных преобразований в НДРЙ: вождей отдельных племен, потомков бывших правителей южно-аравийских даулей и т.д.

Типичным примером этой политики был вернувшийся из Афганистана бывший джихадист и представитель вождийского рода аль-фадли из Абъяна — шейх Тарик аль-Фадли. Несколько лет проведя в высших эшелонах партии власти ВНК в Сане, в 2009 г. он переехал в родную провинцию на Юг, где сформировал реваншистское исламистское движение, боровшееся против бывших функционеров ЙСП.

Однако практика кооптации дореволюционных элит во властные структуры Юга не распространялась на традиционные религиозные элиты. Вместо них Ислах начал продвигать во все регионы Юга салафитских проповедников, наводнивших мечети, религиозные учебные центры Юга и вмешивавшихся в формирование стиля одежды жителей и образовательных программ школ. Выступая с порицанием бывших властей НДРЙ, они одновременно обличали и традиционные религиозные практики Юга, имевшие шафиитские и суфийские корни.

Особое отторжение со стороны южан вызывала политика внедрения в общественно-политическую жизнь Юга племенных институтов, выполнявших опорные функции в гораздо более консервативном и трибализированном обществе Севера. Даже в южноеменских городах появился институт «шейха» с широкими административными полномочиями. В статье известного йеменского публициста Адила аль-Шарджаби политика Саны сравнивается с «бремеровскими шейхами»: «После войны 1994 г. режим стремился распространить политическую культуру Севера по всей территории Юга, повсеместно создав отделения по делам племен, включая Аден. Президент Салех лично назначал их руководителей — вождей племен, представлявших не народ, а самого президента. Точно так же делал и Поль Бремер в Ираке. Это делалось для того, чтобы разбудить уснувшие племенные конфликты в Абъяне, Далиа и Ляхдже и расчленив территорию, вос-

становив административное деление даулей Яфия по племенным границам. Режим также поддерживал экстремистские религиозные группировки и террористические банды. Этот факт признали многие салафитские джихадисты, например Халед Абдул Наби и Абу Бакр аль-Михдар — перед казнью. Многие из них называли город Джаар в Абъяне Джаарстаном» [Al-Charjabi 2014].

Появление Мирного движения Юга Хирака в 2007 г. во главе с Х. Баумом стало социально-политическим ответом южан на действия Саны по вытеснению признанных населением Юга политических руководителей, насаждению трибализма, а также использованию религиозной идеологии воинствующего салафизма для изменения культурной идентичности населения Юга, формировавшейся на протяжении нескольких исторических периодов, включая эпоху НДРЙ. Сделав мирные формы протеста главным оружием своей борьбы, Хирак превзошел йеменскую революцию 2011 г. и создал образец ненасильственной революции в Йемене.

Оно началось как гражданское правозащитное движение с политическими требованиями к санским властям, связав их с общим бедственным положением Юга. В 2009 г. Хирак заявил о принятии лозунга самоопределения и восстановления независимости Юга мирным путем. Правящий в Сане режим был признан оккупационным в связи с тем, что гражданская война 1994 г. ликвидировала, с точки зрения руководства Хирака, юридическую базу добровольного объединения ЙАР и НДРЙ и сделала их совместное существование невозможным. Лидером движения был признан А.С. аль-Бид, который возглавлял сторону Юга в той войне.

Активистка Хирака, Худа аль-Атгас, отвечая на вопрос о том, что произошло с Югом после объединения и почему Хирак считает невозможным продолжение единства с Севером, на первое место поставила приход на Юг исламистов, которые начали с отмены прогрессивного семейного законодательства НДРЙ, запретили совместное обучение детей и подростков, упразднили занятия музыкой и спортом в учебных заведениях.

«Все это предпринималось с целью изменить ментальности народа Юга. Я думаю, что после 1994 г. Юг подвергся культурной атаке, когда легионы исламистов пришли на Юг. Тогда мы впервые увидели настолько сильно бородатых мужчин. Женщин принудили надеть чадру и закрыть лица. Тогда же появились толпы

бездомных. <...> Сегодня проблема не в единстве с Севером. Проблема — в центральных эшелонах власти Саны, которые не смогут построить гражданское государство в Йемене даже за сотню лет. Хирак — лицо революции Юга Аравии, освободительной и мирной южноаравийской революции. Мы хотим восстановления нашей территории и государства. Хирак требует независимости! <...> Хирак — революционный элемент и не может трансформироваться в партию по этой причине. Он — народный революционный элемент. После воссоздания государства на Юге его фракции могут стать партиями» [Augustin 2014].

Идеология Хирака включает несколько положений, вокруг которых группируются разнообразные сегменты движения, организованного по принципу Народного фронта эпохи борьбы за независимость Южного Йемена в 1960-е годы, провозгласившего своей главной целью «ликвидацию колониального присутствия и необходимость перехода к самостоятельному развитию, сознанию своего национального единства и национальной самобытности, идентификации себя как народа» [Наумкин 2003: 84]. Только в данном случае речь идет не о колониальном режиме, а об «оккупационном» режиме со стороны Йемена (сам термин «Йемен» стал применяться исключительно как географическая зона на севере страны, отдельная от другой географической зоны, в которую входит Юг Аравии). К ним относятся, в частности:

— подчеркивание этнической самобытности народа Юга, основанной на собственных культурных и политических традициях (резко отличных от северных) и отказ в связи с этим от дальнейшего применения этнонима «йеменский» к народу Юга Аравии;

— борьба за сохранение политического единства Юга в границах НДРЙ, чтобы защитить прогрессивную динамику его развития, начавшуюся в эпоху НДРЙ, чьи достижения в социальной сфере признаны ведущим стимулом для мобилизации населения в его поддержку.

Движение признает ошибки, совершенные властями НДРЙ, но считает при этом недопустимым забвение достижений, которыми вправе гордиться все население Юга. Сравнивая существовавшую при НДРЙ систему образования, юриспруденцию, социальные права женщин и детей с новыми реалиями, южане пришли к выводу, что социалистические власти сумели подгото-

вить общество к восприятию гражданского институционального и правового общества современного типа, от которого произошел откат за годы существования единого Йемена. Не прошедший таких реформ отсталый трибалистский Север, по мнению Хирака, не может претендовать на это «даже через сто лет».

Большую роль в руководстве Хираком играют выходцы из Хадрамаута — самой большой провинции страны, на которую приходится около 40 % ее территории. Они возглавляют четыре из шести крупнейших сегментов движения.

Высший лидер Хирака аль-Бид является главным идеологом движения. Он сформировал принципы отношения Хирака к начавшейся в 2011 г. на Севере революции: «Мы бы хотели, чтобы арабское и мировое сообщество видело, что наше дело на Юге стоит отдельно от революции, направленной на смену йеменского правительства, и что наша дело — это проблема оккупированной страны с момента провала проекта добровольного союза. Второе — народ Юга решил восстановить свое независимое государство со столицей в Адене, и он отвергает любые проекты, которые не соответствуют этому» [Kanafani 2011]. Он также сформулировал принцип бойкота Хирака Инициативы: «Саудовское королевство и поддержанный им план нас не касается, потому что имеет дело с кризисом между несколькими сторонами, соперничающими за власть в ЙАР, оккупировавшей Юг в 1994 г.» [Там же].

В сентябре 2013 г. аль-Бид объединил сторонников, входивших в 11 фракций движения, в Высший совет южной революции (ВСЮР), который признал своей главной целью освобождение Юга от «йеменской оккупации». На этом съезде аль-Бид представил программу действий:

- отказ от участия в Инициативе ССАГПЗ и непризнание любых решений Всеобщего Национального Диалога;
- освобождение Юга от оккупации Севера и возвращение права создания независимого суверенного государства его законному хозяину — народу Юга, представляющему «единный народ от Баб эль-Мандеба на западе до Махры на востоке» [Al-Seibani 2013].

В ноябре 2014 г. ВСЮР отъединился с другим отрядом Хирака — Высшим Советом мирного движения за освобождение Юга во главе с Х. Баумом и М. Таммой. Х. Баум, основатель Хирака, — также выходец из Хадрамаута.

До объединения своих структур они конкурировали друг с другом за влияние в Хадрамауте. Но и новое массовое крыло Хирака, получившее название «Высший Совет Революционного Движения за Мирное Освобождение и Независимость Юга» (ВСОНО), не смогло выработать четкую политическую программу, способную объединить все сегменты движения.

В 2013 г. Эр-Рияд обвинил аль-Бида в прислужничестве интересам Ирана, подразумевая его критику позиции КСА в йеменском урегулировании и нежелание участвовать в проекте федерализации Йемена, на который КСА возлагали большие надежды.

Комментируя эти обвинения, лидер другого крыла Хирака, Салах аль-Шанфара, назвал их чистой фабрикацией и заявил, что «движение (Хирак) никаким боком не связано с иранским режимом. Наша борьба — мирная и цивилизованная, не имеющая ничего общего с любыми формами экстремизма» [Madabish 2013].

Выходцем из Хадрамаута является и Хейдар аль-Атгас, бывший премьер-министр Йемена, который в мае 2011 г. вместе с другими бывшими руководителями НДРЙ — Али Насером Мухаммадом и Салехом Ахмадом Убейдом — провел в Каире конференцию, а в ноябре 2011 г. Первый Южный Конгресс, на котором были сформулированы условия для вступления Хирака в процесс Инициативы и ВНД. Основным требованием в ультиматуме значилось признание права народа Юга на самоопределение в обмен на отсрочку референдума по этому вопросу на пять лет. Участники Каирского конгресса выразили согласие на федерализацию Йемена, если ее основой станет схема Север-Юг в границах 1990 г. Отказ авторов Инициативы от этого предложения исключил из участия в ВНД всех ведущих сегментов Хирака.

Аль-Бид раскритиковал решения Конгресса и заявил: «Аргумент, что участие в проекте федерализации якобы даст шанс на получение региональной и международной поддержки права народа Юга на самоопределение, является ложным. Одного взгляда на Инициативу ССАГПЗ достаточно, чтобы видеть, что ему нет дела до Южного Йемена, который выпихнули на задворки, и упоминается там лишь в контексте сохранения целостности и единства» [Kanafani 2011].

Аль-Атгас, находясь на постоянном жительстве в Эр-Рияде, был назначен на пост советника Хади в 2015 г., когда СВК столк-

нулся с парадоксальной ситуацией: начав операцию в Йемене с целью восстановления президента Хади в качестве законного главы государства, СВК убедился, что поддержавшие саудовское военное вмешательство лидеры Хирака отказались признать Хади кем-либо, кроме «президента оккупационного режима Саны». После бегства Хади из Саны в Аден 21 февраля 2015 г. там начались массовые акции протеста против его пребывания в городе под флагами Хирака (государственного флага НДРЙ), которые закончились лишь 10 марта 2015 г. по следующим причинам: «Мы приостанавливаем наши мирные акции, — заявил официальный спикер Оргкомитета площади аль-Аруд в Адене Раль-Дубейс, — чтобы посмотреть, что будет с Хади и как поведет себя мировое сообщество, чтобы извлечь максимальную выгоду из этого для своего дела. Гражданское неповиновение имеет смысл, когда есть правительство, а сегодня все идет к насилию. Много оружия нахлынуло в город из всех провинций страны, и город наводнили боевики» [Al-Moshki 2015].

Назначение аль-Аттаса помогло президенту Хади преодолеть бойкот со стороны Хирака и привлечь в администрацию его активистов, имевших поддержку среди населения Юга. Но пробыв в аденском дворцовом комплексе Маашик с единичными выходами за его пределы с ноября 2015 г. по февраль 2016 г., Хади был вынужден бежать от волны терактов и покушений в Эр-Рияд. Причина состояла в ежедневных убийствах попадавших на его службу офицеров и гражданских чиновников из структур Хирака от рук террористов АКАП и ИГИЛ (ДАИШ).

Еще один крупный политический деятель (лидер старейшей партии Йемена, Лиги сынов Юга Аравии) А. аль-Джифри — тоже выходец из Хадрамаута. Он возглавляет отряд Хирака под названием Исполком Всеобщего Конгресса Юга. А. аль-Джифри поддерживал план федерализации в составе двух субъектов как возможный путь решения проблемы Юга, но резко раскритиковал принятый в итоге план федерализации Хади, который предусматривал образование шести субъектов, в т.ч. двух на Юге — Адена и Хадрамаута. Отказавшись от идеи федерализации и постоянно находясь в Эр-Рияде, аль-Джифри призывает своих сторонников не спешить с воплощением лозунга восстановления независимого государства на Юге в связи со сложными политическими обстоятельствами в стране.

Все названные выше сегменты Хирака представляют не только разные политические программы, но и конкурирующие фракции политических элит страны. В этой борьбе участвуют также традиционные соперники Хадрамаута — структуры Хирака из Ляхджа, Далиа и Абъяна. В Ляхдже и Далиа (районах, населенных конфедерацией племен яфи`а) очень сильно влияние подразделения Хирака, именуемого Южным движением мирной борьбы (ЮДМБ) — Наджах (Успех), во главе с С. аль-Шанфара и Н. аль-Хабаджи. Они, как аль-Бид и аль-Атгас, ранее занимали ответственные посты в ЙСП.

Еще одним претендентом на роль руководителя Хирака является выходец из Абъяна М.А. Ахмад, воевавший против северян в 1994 г. В 2012 г. он, при поддержке состоятельных бизнесменов Адена, основал Национальный Конгресс Народа Юга, базирующийся в Абъяне и Адене. Ахмад принял участие в ВНД, нарушив бойкот Хирака этому мероприятию. Но, выступив перед участниками форума с разъяснением причин борьбы за признание права народа Юга на самоопределение и с планом федерализации Йемена на две части в границах 1990 г. и убедившись в непонимании своей позиции другими сторонами переговоров (кроме ЙСП), он покинул ВНД еще до окончания его работы.

В 2014 г. Ахмад попытался начать новый проект «Южный Национальный Комитет Спасения», чтобы под его руководством добиться провозглашения независимости Юга, но президенту Хади, с которым сотрудничали члены его делегации в период ВНД, удалось расстроить этот план и отвлечь большинство его последователей на сотрудничество с планом мирного урегулирования.

Регионализм в структурах Хирака помешал ему создать единый руководящий орган этого мощного политического движения Юга, несмотря на большое сходство в программных установках всех перечисленных сегментов Хирака. Однако за рамками Хирака осталось большое число племенных, исламистских и радикальных партикуляристских движений, выступавших за идею реанимации британского проекта федерализации Западного Протектората Адена — Федерации Юга Аравии (ФЮА), в которую к 1964 г. входило, наряду с британской колонией Аден, еще 16 карликовых южноаравийских даулей (шейхств, султанатов и эмиратов), большинство из которых было образовано по племенному принципу.

Хадрамаут не был в составе ФЮА, а вместе с Махрой был выделен в т.н. Восточный протекторат, который вошел в состав НДРЙ благодаря низложению двух султанов Хадрамаута из династий аль-Касири и аль-Куайти силами радикального крыла НФ Фейсала аль-Аттаса еще до эвакуации британских войск из Адена 30 ноября 1967 г. Помимо того, что Хадрамаут рассматривался как идеальный проход для нефтяных трубопроводов КСА к портам Аравийского моря и тем самым привлекал к себе большое внимание Эр-Рияда, он был крайне интересен и для Великобритании, установившей тесные отношения с обеими султанскими династиями. Его стратегическое значение и уникальное положение в историко-цивилизационной иерархии Юга Аравии позволяли рассматривать Хадрамаут как крупную карту в постколониальной политике Лондона.

В фундаментальном исследовании этнографии Хадрамаута М.А. Родионова содержится обстоятельное исследование этносоциальной специфики Хадрамаута традиционного времени, где особое место принадлежало сада — высшему по положению в социальной иерархии духовной элитарной страте общества. В ходе полевых обследований в конце 1980-х годов в Хадрамауте и разъездов по почти по всем основным племенным территориям провинции автору открылась любопытная картина. Утратив все традиционные фиксированные строгими обычаями социальные привилегии, сада сохранили многие престижные функции в культурной жизни населения провинции. Они по-прежнему предводительствовали в религиозном культе, исполняли функции арбитров в племенных спорах и нотариусов, обслуживали обряды жизненного цикла. К концу 1980-х годов сейидские святыни — куббы — в большинстве районов страны были отреставрированы и возвращали себе функции крупных центров народного ислама после левацких перегибов со стороны власти в первой половине 1970-х годов.

Мы тоже отмечали высокую миграционную активность населения провинции Хадрамаут, в т.ч., ориентированную на КСА, где нашли убежище многие представители феодалов и буржуазии Хадрамаута в 1967 г. Из 40 % трудового населения, принимавшего участие в миграциях, примерно половина вела поиск трудоустройства в соседних монархиях Залива. Власти КСА установили преференциальный режим для мигрантов из Хадрамаута,

почти не применяя к ним санкции, объявленные в 1990 г. против Йемена за его отказ поддержать военную операцию «Буря в пустыне» во главе с США в Ираке. С начала революционного кризиса в Йемене (2011 г.) целые племена, населявшие районы вдоль саудовско-хадрамайской границы (авамир, манахиль и др.) свободно получали саудовские паспорта. В результате численность выходцев из Хадрамаута, проживающих в КСА, по некоторым оценкам превысила численность населения самой провинции на 40 %. Поэтому активная роль КСА в политическом урегулировании в Йемене, перетекшем в марте 2015 г. в военную интервенцию, вызывает совершенно закономерные сомнения в части соответствия объявленных целей сохранения йеменского единства реальным планам королевства. Разрушение остатков йеменской государственности силами коалиции усиливает не только южнойеменский сепаратизм, но и локальный партикуляризм, влекущий фрагментацию Юга.

Существует немало признаков активизации политики КСА по обособлению Хадрамаута от Йемена. Так, решение переходного президента Хади об отставке 22 января 2015 г. было напрямую связано с негативной реакцией Эр-Рияда на отказ многих участников политического процесса от утверждения его плана федерализации Йемена без дополнительного обсуждения и доработки. Точнее — на одобрение разрешения на доработку плана со стороны представителя ООН Беномара. По утвержденному в феврале 2014 г. плану Хади, Хадрамаут должен был включить еще три провинции — Шабву, Махру и Сокотру и превратиться в территориального гиганта (60 % территории Йемена при населении менее 10 %) [Серебров 2014: 16], владеющего основными природными богатствами Йемена, напоминающего по очертаниям Восточный протекторат.

Параллельно КСА использует внутренние рычаги влияния на поощрение любых проектов в направлении создания «независимого Хадрамаута», для которого внутри провинции существует весьма питательная почва.

Летом 2013 г. в Хадрамауте было создано Объединение племен Хадрамаута — Тахалуф Кабаил аль-хадрамайя (ТКХ). ТКХ появилось на фоне растущего разочарования результатами борьбы Хирака, потерявшего около 2 тыс. чел. убитыми в результате репрессивных действий властей против мирных демонстрантов и активистов, но так и не добившегося ни одной поставленной цели.

Основатель ТКХ, вождь зей аль-хумум Са`ад бин Хабарейш уже на учредительной племенной конференции 4 июля 2013 г. выдвинул ультиматум санским властям с требованием хадра-мизации ключевых органов власти в провинции, включая силы безопасности, армию и полицию, а также замены всего персонала и командования армейского батальона, охраняющего нефтепро-мыслы. В нем требовался вывод военных лагерей и снятие блок-постов с территории городов и населенных пунктов провинции до 20 декабря 2013 г., а также выплата компенсаций населению за загрязнение окружающей среды и источников воды нефтяными компаниями. ТКХ приняло решение о формировании Комитета с участием всех основных племен Хадрамаута с функциями цент-рального контрольного органа администрации провинции [Al-Juaidi 2013].

Убийство лидера ТКХ в начале декабря 2013 г. на пропуск-ном пункте Сейюна дежурным солдатом за отказ сдать оружие при въезде в город привело к дестабилизации ситуации в Хад-рамауте.

10 декабря 2013 г. ТПХ принял новый ультиматум властям с требованием вывода всех вооруженных сил Севера с террито-рии Хадрамаута до 20 декабря и угрозой начала массовой кампа-нии под названием «Народная поступь» (аль-хабба шаабийя). Под этим ультиматумом стояли подписи многих крупных племен Хадрамаута — сейбан, нуввах, нахд, сей`ар, хумум и конфедера-ций племен бани-зунна и шанафир. 20 декабря 2013 г. силы ТКХ блокировали нефтепромыслы в вади Масила, что привело к их остановке и лишило бюджет страны главного источника поступ-лений, составлявшего 70–80 % всех доходов.

Начались атаки на государственные учреждения и военные посты как на побережье, так и во внутренних районах Хадрамау-та, которыми воспользовались террористические группировки АКАП с участием большого числа саудовцев, а также связанных с АКАП джамаатом «Ансар аль-Шариа», пришедшим в Хадрама-ут из Абъяна и Шабвы в 2013 г. Неспособность переходных влас-тей контролировать ситуацию в провинции, в свою очередь, при-влекла просаудовские салафитские группировки к наведению мостов с племенами с целью дальнейшей дестабилизации систе-мы безопасности в Хадрамауте и нарушения работы государ-ственных органов.

Недовольство населения вызывали удары американской беспилотной авиации, от которых совершенно безнаказанно погибло несколько десятков мирных граждан провинции. Общественное мнение населения разделилось на сторонников скорейшего отделения Юга и на тех, кто поддерживал сепаратизм локальных структур, действующих независимо от Хирака.

Начались громкие убийства известных духовных учителей Хадрамаута, которые приписывали АКАП. Так, убийство шейха Али Бавазира вызвало массовые демонстрации в Мукалле, участники которых обвиняли «санские власти в неспособности разрешить кризис и выполнить обещания, данные в 2011 г.» [Б.И. Hadhramawt 2014].

В апреле 2014 г. президент Хади выплатил племени хумум компенсацию за жизнь убитого военными вождя в размере двух десятков внедорожников, большой партии стрелкового оружия и 20 млн долл. США, но напряженность в провинции нарастала и достигла кульминации к концу 2014 г. В Хадрамауте началось формирование объединенной платформы Хирака с участием ТКХ, направленной на превращение празднования дня независимости Юга 30 ноября 2014 г. в дату провозглашения независимости Юга под руководством Хирака. Этот план реализовать не удалось в связи с формированием нового правительства в Сане во главе с выходцем из Хадрамаута — Х.М. Бахахом. В этом, по видимому, и состоял главный аргумент переходного президента Хади в его контактах с Хираком о торможении провозглашения независимости Юга.

Перспектива объединения Хирака с партикуляристскими силами Хадрамаута, которых поощрял Эр-Рияд в собственных интересах, заставила КСА перенести центр тяжести своей политики на поддержку салафитских группировок в Хадрамауте, которые выступили за проект «независимый Хадрамаут». Тезис о том, что Хадрамаут был дважды аннексирован внешними силами (сначала Аденским НФ, а затем — режимом Саны (в 1967 г. и в 1990 г.) был взят на вооружение просаудовскими агентами влияния, находящимися как внутри Хадрамаута, так и среди хадрамейской диаспоры в КСА.

Йеменские аналитики отмечали: «Заинтересованность КСА в создании независимого Хадрамаута очевидна — королевство давно мечтало о прокладке трубопровода в Аденский залив для

экспорта нефти. В 2000 г. переговоры об этом с бывшим президентом А.А. Салехом застопорились. Но напряженность с Ираном вновь повысила актуальность проекта» [Vafana 2012].

В докладе Международной кризисной группы под весьма красноречивым названием «Критическая точка. Вопрос о Юге Йемена?» отмечалось, что «крупные семьи хадрамейских олигархов, проживающие в КСА, <...> готовы поддержать независимость или автономию Хадрамаута» [Б.И. Breaking 2011].

Даже бывший султан Куайтидского султаната Галиб бин Авада аль-Куайти, проживавший в эмиграции в КСА, в июне 2012 г. учредил в Лондоне общество для продвижения проекта независимого Хадрамаута. Это было бы невозможно без одобрения Эр-Рияда [Vafana 2012]. Начало военной операции «Буря решимости», по-видимому, имеет прямое отношение к реализации этого проекта, поскольку оказавшийся на периферии военных действий Хадрамаут был в первые дни интервенции захвачен силами, враждебными прочно стоящими за единство Юга Хираку.

Попустительствуя экстремистским структурам АКАП и ИГИЛ, СВК добивается не только сокращения массовой базы поддержки стоящего на их пути националистического движения Хирака, но и расчищает путь для продвижения к власти в Хадрамауте салафитских структур. Социокультурные последствия в случае успеха этого замысла для Хадрамаута могут быть не менее катастрофическими, чем в Са`аде.

Волна убийств шафиитских духовных лидеров, особенно из страты сада, разрушение мавзолеев и исторических святынь провинции, служивших центрами ежегодных массовых паломничеств местных жителей, вызывает растущее сопротивление местного населения. Текущая ситуация в условиях интервенции в Хадрамауте не имеет ничего общего с давним иршадистско-алидским конфликтом, принесшим в Хадрамаут немало позитивных перемен.

Совершенно справедливая характеристика иршадистов, направлявших свою борьбу на устранение вопиющих сословных перегородок в начале XX в., дана М.А. Родионовым: «Несмотря на постоянные обвинения в политическом радикализме, иршадисты принадлежали в целом к умеренному реформаторскому направлению, отражавшему интересы националистически настроенной торговой буржуазии Хадрамаута, тех ее кругов, которые

были недовольны духовной и экономической монополией сада» [Родионов 1994: 63]. В данном случае речь идет о культурном и политическом конфликте:

— между агрессивным прозелитским течением ваххабизма, насаждаемого в ходе военной кампании КСА в Йемене на всех «освобожденных от СХА» территориях, и самобытной культурной традицией Хадрамаута, что угрожает стиранием такого яркого феномена, как хадрабийская идентичность;

— между Саной и Аденом, с одной стороны, и Эр-Риядом — с другой, за политическое доминирование в Хадрамауте. Для политики салафитских проислахских структур в Хадрамауте характерна ставка на сближение с наиболее отсталыми племенами Хадрамаута под лозунгом ненависти к давно утратившим свое монопольное положение в обществе сейидам Хадрамаута, уничтожения всех символов традиционной культовой практики народного ислама населения провинции, а также памятников истории, составлявших предмет гордости хадрабийцев. Волна террористических атак на крупнейший исламский центр в Тариме Дар Мустафа, которым руководит признанный одним из наиболее авторитетных современных суфиев сейид Хабиб Омар бин Хафиз, массовый захват салафитами шафиитских мечетей, насаждение салафитских шариатских судов, публичное уничтожение сакральных мавзолеев и разграбление хранившихся там ценностей, репрессии против активистов Хирака и участников протестных акций против произвола экстремистов — вот далеко не полный список методов запугивания населения и насильственного установления новых порядков в охваченном гуманитарным бедствием из-за кризиса, войны и блокады Хадрамауте.

Всего через неделю после начала военного вмешательства саудовской коалиции, 2 апреля 2015 г., структуры джамаата «Ансар аль-Шариа» захватили административный центр провинции Хадрамаут — г. Мукаллу. Обстоятельства захвата усиленно охраняемых правительственными силами объектов города (президентский дворец, банк, штаб квартира правящей партии, здания службы политической безопасности, спецслужб, штаб командования округом, штаб ВМФ и т.д.) без всякого сопротивления с их стороны до сих пор никак не комментируются. Командующий второго округа, генерал Мухсин Насыр аль-Далийи, близкий соратник президента Хади, выехал в Эр-Рияд.

Сдачу военного лагеря 27-й механизированной бригады вместе с оружием также считают результатом сделки президента Хади с АКАП. После стремительного захвата города все мечети заполнили проповедники, призывавшие верующих «примкнуть к Аль-Каиде, заклеить ослушников клеймом еретика (такфир), прекратить беда (опасные нововведения) и уничтожить следы ширка (многобожия) по всей провинции. Эти призывы вызвали множество столкновений жителей Мукаллы с членами Аль-Каиды, которые называли себя «Сынами Хадрамаута». За короткое время (март — февраль 2016 г.) в Хадрамауте были разрушены гробницы суфийских религиозных улемов, все мавзолеи (куббы) на кладбище Мукаллы (признаки ширка), религиозная суфийская школа (рабита) в Роуде и разогнана суфийская школа в Мукалле с уничтожением инвентаря. Многие религиозные деятели и представители аристократических страт сада и машаих пали жертвами убийц [Б.И. Fada'ih 2015].

Освободив из тюрем террористов и главаря Аль-Каиды Халида Батарфи, боевики «Анар аль-Шариа» ограбили центральный банк, забрав 10 млрд риалов (46,5 млн долл. США), затем захватили аэропорт и морской порт и двинулись на восток — к Шихру, завладев нефтяным терминалом Хадрамаута в г. Аль-Дабба. Руководил операцией Наср аль-Анса. Неудача прямого диалога с КСА, заблокированного США, привела аль-Анса к идее создания эрзаца властного органа под своим контролем. Он обратился к салафитским улемам из «Совета суннитов и джамаата Хадрамаута» с требованием срочно сформировать Гражданский Совет на смену местным органам власти [Б.И. Al-majlas 2016].

В Гражданский Совет вошли салафиты и активисты Ислаха, а также некоторые представители племен из ТКХ. Его главой стал один из активистов Ислаха — Омар бин Шакль аль-Джуэйди, а генеральным секретарем — шейх Абдельхакам бин Махфуз, представитель клана олигархов, проживающий в КСА.

Назначенный президентом Хади губернатор провинции А. Бахамид, одобрив появление Гражданского Совета, бежал в Эр-Рияд, а во внутренних районах провинции остались лишь военные бригады, формально признавшие Гражданский Совет в качестве нового органа власти. Но и они к концу 2015 г. оказались под огнем атак ИГИЛ (ДАИШ), которая избрала главным ареалом своей деятельности «Аденский вилайет».

В мае 2015 г. в Эр-Рияде представители Совета встретились с хадрабийской диаспорой в КСА во главе с салафитским шейхом Ахмадом аль-Муаллимом, а также богатыми бизнесменами с хадрабийскими корнями — шейхом Абдаллой Бакарманом и шейхом Мухаммадами Бафадлем. Они объяснили им свои соглашения с АКАП стремлением избежать кровопролития и внешнего вмешательства в Хадрамаут. Они сообщили, что будут управлять провинцией в контакте с губернатором Адилем Мухаммадом Бахамидом ради спасения ее от всяких бед, исходящих от «хуситского и салеховского отребья,» и что Совет станет временным комитетом спасения Хадрамаута от «иранской тирании», что его целью станет создание в Хадрамауте общего дома для всех проживающих внутри и вне провинции хадрабийцев и защита права провинции на независимость принятия собственных решений ради свободы Хадрамаута [Б.И. Ptaka 2015].

23 сентября 2015 г. газета «Аль-Мисак» опубликовала рассказ о том, как в Мукалле «группировки Аль-Каиды под названием «аль-Хисба» (возмездие) атаковала ряд мечетей и знаменитых исторических мавзолеев города (кубб), среди которых наиболее известны такие святыни, как Кубба Якуба в районе Шахид Халид рядом с мечетью Омара, Кубба Махджуб и Кубба мечети Базар`а в районе Салям, подвергнув их разграблению и полностью разрушив все макамы (стоянки) праведных угодников внутри мавзолеев на виду у местных жителей, а затем с помощью бульдозеров сравняв их с землей, а где этого не удалось сделать — взорвав минами» [Б.И. Mushaddidun 2015].

К декабрю 2015 г. недовольство деятельностью Гражданского Совета населения провинции побудило его начать передачу власти Председателю высшего шариатского Комитета Гражданского Совета Хадрамаута, шейху Салеху бин Омару аль-Шарфи — салафитскому имаму и настоятелю соборной мечети Мукаллы Омара. В своем выступлении перед членами Совета он заявил, что «Совет должен сосредоточиться на главных сферах, в которых нуждается Хадрамаут — на безопасности, коммунальных услугах и судопроизводстве, поскольку Совет, по сути, играет роль государства» [Б.И. Sheikh 2015].

Спасая свою репутацию, Гражданский Совет попытался переложить вину за бедственное положение провинции на АКАП, обвинив его в присвоении всех налогов и сборов от торговли

нефтепродуктами. Реакция АКАП состояла в следующем: «В руководстве АКАП вспыхнула ссора в связи с требованием некоторых членов немедленно распустить Гражданский Совет и арестовать его членов и передать их дела в суд, другие выступали за оставление Совета после принесения им официальных извинений за обвинения. Источник сообщил “Сада Мукалла”, что председателю Совета Омару бин Шакль аль-Джуэйди позвонил генерал Али Мохсин аль-Ахмар и потребовал, чтобы он забрал обвинения против АКАП и что Совет должен продумать официальное заявление, в котором он опровергнет причастность Аль-Каиды к торговле сырой нефтью и наличие какой-либо связи между перебоями в электроснабжении из-за нехватки мазута и действиями Аль-Каиды. Экспорт нефти через терминал Дабба, согласно источникам, контролируется силами саудовской коалиции и Али Мохсина» [Б.И. Al-qaida 2015].

В начале марта 2016 г. АКАП захватила все побережье Хадрамаута от уезда Рейдат аль-Шаркия на границе Махры на востоке до Абъяна на западе, установив тем самым контроль над торговлей всеми товарами, включая нефть и продовольствие, а также контрабандную торговлю катом.

По оценкам бывшего министра транспорта Йемена Бадра Басальмы, ежедневная выручка АКАП только от торговли нефтепродуктами, проходящими через порты Аравийского моря, составляет 800 млн риалов (3,3 млн долл. США), а с учетом ката и оружия эта цифра заведомо превышает один млрд риалов (4,1 млн долл. США) [Б.И. Iradat 2016].

* * *

Военное вмешательство коалиции во главе с КСА в йеменский кризис и прерывание процесса мирного урегулирования под эгидой СБ ООН, помимо прочих катастрофических последствий, создало беспрецедентную угрозу для уникальной идентичности йеменского социума, коренившейся в его древней истории и культурном наследии. Политически мотивированное наступление воинствующего прозелитского салафитского течения на плюралистическую природу йеменской идентичности находится в центре текущего кризиса в Йемене. Конфликт испытывает колоссальное воздействие внешнего фактора, в котором роль шиито-суннитских и ирано-саудовских противоречий

намеренно гипертрофирована в пропагандистских целях. За 11 месяцев с марта 2015 по февраль 2016 г. не было достигнуто ни одной из политических целей операций «Буря решимости» и «Возвращения надежды». Упорное сопротивление салехохуситского альянса интервентам сорвало планы СВК на Севере, а динамика политического процесса на Юге страны выявила признаки полного политического банкротства там переходного президента Хади.

Множественное участие социокультурных факторов в йеменском кризисе составляет его специфику и определяет высокую предрасположенность к эволюции как в направлении консолидации йеменцев для срыва империалистических планов по разделу Йемена на зоны влияния, так и в сторону деструкции Йемена. Любой из этих сценариев представляет прямую угрозу для системы региональной безопасности и создает стимул для скорейшего восстановления ООН в качестве ведущего координатора политического процесса в Йемене.

Библиография к основной статье

Монографии и сборники

Haykel Bernard. Revival and Reform in Islam: The Legacy of Muhammad Al-Shawkani. Cambridge University Press, 2003.

Документы

Letter dated 20 February 2015 from the Panel of Experts on Yemen established pursuant to Security Council resolution 2140 (2014) addressed to the President of the Security Council // UN SC S/2015/125 p.21/54.

Leiter Michael E. Director National Counterterrorism Center Hearing before the House Committee on Homeland Security // NCTC, 9 February, 2011, http://www.nctc.gov/docs/2011_02_09_HHS_Understanding_HomeLand_Threat_Landscape.pdf.

B8-0160/2016 // European Parliament resolution on the situation in Yemen (2016/2515(RSP) 27.01.2016.

Заметки и статьи в прессе и интернет-изданиях

Scanlon Kate. McCain, Feinstein Call for More US Presence in Yemen // DailySignal, 25 January 2015. <http://dailySignal.com/2015/01/25/mccain-feinstein-call-us-presence-yemen/>.

- Cafiero Giorgio, Wagner Daniel.* Saudi Arabia and al-Qaeda Unite in Yemen // Foreign Policy Journal, 23 September, 2015, <http://www.foreignpolicy-journal.com/2015/09/23/saudi-arabia-and-al-qaeda-unite-in-yemen/>.
- Ahmed Akbar Shahid.* Saudis Try To Sell Washington On Controversial Obama-Backed War In Yemen // The Huffington Post 02/08/2016. <http://www.huffingtonpost.com>.
- Tharoor Ishaan.* Top Yemen scholars in the West condemn Saudi Arabia's war // Washington Post, 18 April 2015, <http://www.washingtonpost.com/blogs/worldviews/wp/2015/04/18/top-yemen-scholars-in-the-west-condemn-saudi-arabias-war/>.
- Schmitz Charles.* The Fall of Amran and the Future of the Islah Party in Yemen // MEI, 25 Aug, 2014. <http://www.mei.edu/content/at/fall-amran-and-future-islah-party-yemen>.

Библиография к комментариям

Монографии, сборники и научные публикации

- Родионов М.А.* Ислам классический. СПб., 2004.
- von Bruck Gabriel.* Being a Zaydi in the absence of an Imam: Doctrinal revisions, religious instruction and the (re-) invention of ritual // Le Yemen contemporain, Remy Leveau, Franck Mermier et Udo Steinbach (eds). P., 1999.
- Weir S.* A Clash of Fundamentalisms: Wahhabism in Yemen // MERIP — The Arabian Peninsula Vol. 27, fall 1997. <http://www.merip.org/mer/mer204/clash-fundamentalisms> MER 204.
- Haykel B.* Rebellion, Migration or Consultative Democracy? The Zaydis and their detractors in Yemen // Le Yemen contemporain, Remy Leveau, Franck Mermier et Udo Steinbach (eds). P., 1999.
- Наумкин В.В.* Красные волки Йемена. Национальный фронт в революции. М., 2003.
- Серебров С.Н.* Йемен: национальный диалог и проблема сепаратизма Юга // Оценки и идеи: Бюллетень Института востоковедения РАН. Т. 1 № 5. Июль 2014.
- Родионов М.А.* Этнография Западного Хадрамаута. Общее и локальное в этнической культуре. М., 1994.

Заметки и статьи в прессе и интернет-изданиях

- Al-Charjabi Adel. Aden region could serve as basis for a thriving Yemen // Al Monitor, 11 May 2014, <http://www.al-monitor.com/pulse/politics/2014/05/yemen-federal-state-aden-region-commercial-tourist-hub.html>.

- Al-Juaidi Salih. Qabail Hadhramaut tawaqqa` u wathiqat half qabaliy «difa` a mushtarak» // al-mukalla al-youm, 04.07.2013, <http://www.alshibami.net/saqifa>.
- Al-majlas al-ahliy wa tanzim al-qaida khiyanat mushtaraka li nasr al-ansa // Sada al-mukalla, 15.02.2016, http://www.sadaalmukalla.com/2016/02/blog-post_15.html.
- Al-Moshki Ali I. SOUTHERN MOVEMENT SUSPENDS PROTESTS AMID GROWING TURMOIL // Yemen Times 11.03.2015, <http://www.yementimes.com/en/1867/news/4964/Southern-Movement-suspends-protests-amid-growing-turmoil.htm>.
- Al-Seibani Abu Ahmad. Al-Bayan al-Siyasi wa al-qararat wa al-tawsiyat al-sadira an al-mutamar al-awal li al majlas al-a`ala li al-thowra al-silmiya li-tahrir wa istiklal al-janub // al-majlas al-a`ala li al-hirak 514/2013, 14.09.2013, https://ar-ar.facebook.com/permalink.php?story_fbid=517851454965799&id=100002228460830.
- Al-sheikh Juleidan yakshafu al-asbab al-haqiqiya li sukut aulad al-ahmar // Saadah Press, 05.02.2014, <http://www.saadahpress.net/news/news-17922.htm>.
- Al-qaida tuhaddidu bi muhasabat a`da' al-majlis al-ahliy al-hadhramiy // sada al-mukalla, 15.09.2015, http://www.sadaalmukalla.com/2015/09/blog-post_15.html.
- Augustin Anne-Linda A. An interview with Huda al-Attas // MERIP 15.05.2014, www.merip.org/mero/mero051514.
- Bafana Haykal. Yemen's Broken Triangle: Sanaa, Aden & Hadhramaut // Haykal Bafana, 09.07. 2012, <http://haykalbafana.blogspot.ru/2012/07/broken-triangle-yemen-aden-hadhramaut.html>.
- Breaking Point? Yemen's Southern Question // Middle East Report N°114, 20.10.2011, <http://www.crisisgroup.org/en/regions/middle-east-north-africa/iraq-iran-gulf/yemen/114-breaking-point-yemens-southern-question.aspx>.
- Fada'ih al-sinariyu al-aswad li sukut al-mukalla biyadd al-qaida // Al-methaq, 29.07.2015, <http://www.almethaq.net/news/news-43538.htm>.
- Fight the Brotherhood first: Saudi refuses to intervene in Yemen citing Qatar-MB support // Middle East Monitor, 23 February 2014, <https://www.middleeastmonitor.com/3/8727/news-2>.
- Hadhramawt rises up in protest // Yemen Post 22.02.2014, <http://www.yemenpost.net/Detail123456789.aspx?ID=3&SubID=7612>.
- Itaka wafd al-majlas al-ahliy al-hadhrami allathi damma killa min al-sheikh salim al-saadiy ra'is al-lajnat al-iktisadiya // hona hadhramout 17.05.2015, <http://honahadhramout.com/2015/205865.html>.

- Iradat al-tanzim al-qaida fi al-yaman min mubi`at al-naft milyar riyal youmiyan // al-wasat, 06.02.2016, http://alwasat-ye.com/m/index.php?ac=3&no=39135&d_f=38.
- Kanafani Houssam. Ali Salem al-Baid: Reviving South Yemeni Separatism // aj-akhbar, 21.12.2011, <http://english.al-akhbar.com/>.
- Kharitat jadida fi hashed wa israr aulad al-ahmar ala an yakunu ala ras hashed satusbihu mushkilathum // al-wasat, 10.02.2014 http://www.alwasat-ye.net/?ac=3&no=38275&d_f=31&t_f=0&t=5&lang_in=Ar.
- Madabish Arafat. Yemen's Southern Movement Denies Receiving Iranian Aid // al-sharq al-awsat, 16.03. 2013, <http://www.aawsat.net/2013/03/article55295994>).
- Mashaikh kharif yufshilun muhawalat islahiya li jarruhum li dukhul fi harb amran wa yurfidun kat`a al-turuk ala al-huthiyin // al-wasat, 04.06.2014, <http://www.alwasat-ye.net>.
- Mushaddidun yudammirun `asharat al-adhriha al-ta'rikhiya bi madinat al-mukalla // Al-methaq 23.09.2015, <http://www.almethaq.net/news/news-43934.htm>.
- Sheikh al-sharafi: hadhramaut amama marhalat ta'rihiya // Mykalla star, 21.11.2015, <http://www.mukalla-star.com/news/2015/223939.html#ixzz3tzR9eIah>).